

Игорь Ривер

Один день лета

рассказы о войне

16+

Игорь Ривер

Один день лета.

Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42551484
SelfPub; 2019*

Аннотация

Эта книга о таких же солдатах и сержантах, как я, только воевавших гораздо раньше. Мой прадед был унтер-офицером, дедушки – старшина и сержант, отец – старший сержант, я – младший. Династия, каких много в России. Если кто-то увидит в этих историях что-то знакомое – не удивляйтесь. За каждой строчкой воспоминаний чей-то подвиг. Ежедневный, ежечасный, и если всерьез браться описывать его, то не хватит никаких книг. Поэтому эта книга не о войне, а о людях.

Содержание

Взгляд в прошлое. Авторское предисловие	5
Четыре сбоку	8
Крещение огнем	14
Танкист-подводник	29
Ремонт на поле боя	34
Баранья битва	39
Щедрость русского танкиста	45
1945, август	49
Второй бой мехвода	53
Командир полка, сержант	59
Тойфель-машина	72
Возчик, который умел говорить по-немецки	85
В поиске	98
Удачно попал	108
Эпилог	120

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора книги.

Взгляд в прошлое.

Авторское предисловие

Эта книга не о войне. Сейчас много развелось кабинетных стратегов, которые пишут умные книги, полные умных слов и громких имен. Их книги полны карт, схем, таблиц, технических характеристик танков и самолетов, правды и отсебятины. Война для них – это красные и синие стрелки на картах, да мудрые замыслы полководцев. Если Красная Армия наступает, то обязательно героически преодолевает упорное сопротивление, а если обороняется, то до последнего патрона.

Никого почему-то не волнует, почему этот патрон именно последний. Кто-то должен был обеспечить полк боеприпасами, но не смог этого сделать, черт знает, по какой причине. Или была неправильно расположена приданная артиллерия. Или кто-то из солдат струсил, побежал, а за ним побежали остальные и командир не сумел их остановить. Полк был сбит с рубежа и рассеян. Оборона прорвана, фамилия того, из-за которого это случилось, давно забыта.

Я был на войне. Для меня это не стрелки на картах и не стратегические решения. Все проще и одновременно сложнее. У тебя есть взвод. Ты за него отвечаешь. Твои солдаты должны быть нормально одеты, обуты, накормлены, их ору-

жие должно быть почищено и готово к бою. У людей должно быть, чем встретить танки и чем пехоту. Им нужно организовать помывку, даже если ни реки, ни моря под руками нет. И воды в кранах нет. И кранов, как таковых, не имеется. Что? Туалеты? Спасибо, посмеялся... Знаете, какой запах стоит в казарме, если рота не моется три недели? Ой, вряд-ли вы это знаете! В части должен быть порядок. У кого порядка и дисциплины больше, у того меньше потерь и тот в итоге выигрывает.

Вот это – моя война. Я обычный заместитель командира взвода и слова “последний патрон” для меня вполне осязаемы. Это первый, который я зарядил в автоматный магазин. Можно снова разрядить его и подержать этот патрон в руках.

Эта книга – о таких же солдатах и сержантах, как я. Мой прадед был унтер-офицером, дедушки – старшина и сержант, отец – старший сержант, я – младший. Династия, каких много в России. Если кто-то увидит в этих историях что-то знакомое – не удивляйтесь. За каждой строчкой воспоминаний, или мемуаров – чей-то подвиг и не обязательно того, чьи они. Ежедневный, ежечасный и если всерьез братья описывать его, то не хватит никаких книг. Поэтому эта книга не о войне, а о людях.

Спустя год после ее издания на ЛитРес книга пополнилась новыми рассказами, написанными за это время. По понятным причинам, быстрая выкладка на ЛитРес невозмож-

на, ПОЭТОМУ я жду моих читателей в моих блогах:

Яндекс.Дзен

–

<https://zen.yandex.ru/>

[id/5d5945f6998ed600ae726cf9](https://zen.yandex.ru/id/5d5945f6998ed600ae726cf9)

LiveJournal – <https://rivvv.livejournal.com/>

и конечно же на моей авторской страничке на ЛитРес:

<https://www.litres.ru/igor-river/>

*Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землюю бушует весна.
И шагом неверным,
по лестничке шаткой спасения нет...
Лишь белые вербы,
как белые сестры, глядят тебе вслед.
Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льет.
Не верьте пехоте,
когда она бравые песни поет.
Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
У жизни со смертью
еще не окончены счеты свои...
Булат Окуджава*

Четыре сбоку

– Ну и что теперь будем делать?

Задавший этот вопрос капитан посмотрел на командира орудия и поглядел в сторону дороги, на которой пули в очередной раз выбили несколько фонтанчиков грязного снега. Немцы палили по оставшемуся на дороге ватнику. Видимо принимали его издали за раненого и пытались добить. Выбраться отсюда днем нечего было и думать. Поселочек, в который они сослепу забрались ночью, простреливался с занятой немцами высоты насквозь, дорога тоже. Пушку "сорокапятку" они оттащили под прикрытие четырехэтажного кирпичного здания, самого высокого здесь. Упряжных лошадей завели внутрь, так что тем ничего не грозило. Самим же оставалось только курить, потому что сухпай никто не взял, а у пехоты кроме мерзлого хлеба тоже ничего не было. Занимавшей поселок роте еду привозили через раз и тоже только по ночам.

– Костер разведем, тащ капитан! Погреемся. Я там бочку пустую нашел. Снега натопим, чаю попьем!

Сержант как всегда был весел и доволен жизнью. Бывший штрафник, что называется: "искупивший кровью", никогда не унывал. Всерьез расстроить его могло разве что прямое попадание танкового снаряда.

– Ага... Заодно и помоемся. Мне это очень пригодится,

когда командир полка мне клизму будет ставить.

– Тоже верно. Отличную вы мысль подали, тащ капитан! И правда ведь, можно бочку располовинить, снега побольше натопить и водные процедуры устроить.

– Делай. Чем бы дитя не тешилось...

Из подвала вылез пожилой солдат в каске, валенках и надетой поверх ватника шинели. Близоруко прищурился, пока глаза привыкали к солнечному свету. Наконец спросил:

– Вы командир батареи будете?

– Я, – кивнул капитан.

– За вами ротный послал. С батальоном связь наладили, говорят. И это... Тут для вас крупы немного из неприкосновенного запаса достали. Сварите себе. Котелки есть?

– Да, есть. Это хорошо, отдай ее сержанту. Ну, пойдем...

Он поднялся и следом за солдатом спустился в подвал, откуда к ротному НП был прокопан ход сообщения.

* * *

Когда капитан вернулся, в комнате уже приятно пахло кашей. Ему сунули котелок и ложку. Он зачерпнул дымящееся жидкое варево и отправил его в рот.

– Ну как? – спросил сержант.

– Нормально.

– Я не о том. Из полка что сказали? Не разжаловали?

– Решили пока не расстреливать и велели войну выиграть.

Тут видишь какое дело, Саня... Выяснилось, что мы здесь вовремя оказались.

– Как так?

– А вот так. Все равно бы сюда ехать пришлось. Полку поставлена задача взять ту высотку, на которой немцы сидят. Полк для этой цели пришлет сюда ночью еще одну роту и всю нашу батарею. Завтра – день на подготовку, послезавтра... Ну ты понял.

– Ага. Хреново.

– Не то слово. Их старлей ходит весь черный. Фрицы закрепились намертво. Народу положат немеряно, а нам стрелять придется снизу вверх. Лошадей напоили?

– Да. Нашли чистую бочку, в нее снега набросали, разогрели и им поставили. Васька для них корм нашел.

– Да ты что? Где?

– Тут у немцев госпиталь был. Они когда драпали, бросили матрасы. А в них – солома. Лошадки довольны.

Капитан закончил с кашей и протянул пустой котелок заряжающему. Затянувшись протянутой ему сигаретой, он о чем то задумался. Потом встал, подошел к окну, смотрящему на север и осторожно выглянул одним глазом. Долго смотрел и наконец отошел, покачав головой.

– Восемьсот метров примерно... Для нас это прямой выстрел, но снизу вверх стрелять прямой наводкой, да под огнем. Проще самим повеситься, хлопот меньше. Я там как раз и балку подходящую видел, из стены торчит. Даже с тросом.

Он вдруг осекся, поднял глаза вверх, потом посмотрел в сторону лестницы.

– Что там, тащ капитан? – заинтересовался сержант.

– Госпиталь был, говоришь?

– Ага.

– Пойдем-ка, наверх ходим...

От крыши над четвертым этажом остались жалкие ошметки. Чердак был деревянным, пехота разбирала его на дрова, а немцы добавили беспорядка, положив сюда несколько мин. Он подошел к проему в стене, посмотрел вниз, потрогал блок, висевший на торчащей из стены балке и сказал:

– Ну да, точно! Госпиталь, раненые, а вот на этом блоке они сюда мешки с бельем поднимали. Им по лестнице ходить лень было. Как думаешь, Саня, выдержит такой трос нашу пушку?

Он кивнул на ручную лебедку, намертво вделанную в стену. Сержант потрогал трос.

– Вроде бы должен. Она ведь легкая, полтонны всего. Хотите ее сюда? Так ведь засекут нас после первого же выстрела.

– Значит надо сделать так, чтобы не засекли. Смотри, какая позиция! Мы с фланга и все их окопы – как на ладони. Пойдем вниз. Ты говорил, бочки пустые есть?

– Есть парочка.

В подвале капитан осмотрел немецкую металлическую бочку объемом полсотни литров и кивнул головой.

– Потянет. Возьми карабин, пойдем наружу.

Выйдя за ворота, он положил бочку на землю, вставил ствол карабина в горловину и нажал на спуск. Пуля продырявило дно, бочка отлетела. Выстрел гулким эхом прокатился по улице поселка.

– Ну как?

– По звуку на полковушку похоже, или на гаубицу издали.

– Вот именно! А полковая пушка, что характерно, может и с закрытых позиций бить. Немцы на это и подумают, нам только надо будет в такт попадать. Пошлем в поселок бойца, он даст пять таких "выстрелов" с интервалом в минуту. До кучи костерок разведем за домами и еще какую-нибудь активность изобразим, чтобы они не сомневались, что мы сюда батарею "бобиков" приволокли. Да вот хотя бы ящик из под снарядов на виду бросим. Пусть бьют по поселку. Я тем временем посмотрю, где у них что установлено. Сейчас пойду к пехоте, попрошу нам в помощь выделить десяток бойцов, а ты пока тросом пушку подцепи и лебедку проверь. Снаряды есть, прямо сейчас немцев пощупаем, пока солнце их подсвечивает. Посмотрим, где у них что стоит, ночью всю батарею сюда затащим, а утром начнем, с божьей помощью.

– Зачем откладывать хорошее дело!?

– Верно. Давай, Саня, работаем.

* * *

К полудню следующего дня поставленная задача была выполнена. Поднятые ночью наверх четыре "сорокапятки" буквально смели немецкую минометную батарею, а затем перенесли огонь на окопы, уничтожая пулеметные гнезда. Подосевшая ночью рота автоматчиков под прикрытием их огня по сигналу ракеты без потерь миновала нейтралку и завязала рукопашный бой в траншеях. Вскоре обратно повели пленных. К тому времени пушки уже опускали вниз и одну за другой отправляли на захваченную высоту, на новые огневые позиции.

Крещение огнем

– А ты кем до войны был, Андреич? – спросил молодой солдат по прозвищу Киря, без нужды протиравший тряпкой пулеметный диск.

– Священником.

– Попом что-ли!?

– Да.

– А здесь как? Ваших ведь не берут, вроде.

– Берут. Но я добровольцем пошел.

Пожилой старшина затынулся в очередной раз самокруткой и передал ее по кругу. Самокрутка была толстой, махорки на нее не пожалели. Чего экономить? После боя покурить может уже и не придется, а бой предстоял страшный – это все понимали. Вчера немцы весь день грызли оборону перед ними, сегодня возьмутся за них. Немец – он такой! Его хлебом не корми, а дай чего-нибудь погрызть. Хуже было другое: с юга "солдатское радио" принесло весть, что и там немцы начали наступление. В окопе не мальчишки сидели, вернее: не только мальчишки. Понятно было, что если немцы давят с двух сторон, то значит пытаются в окружение взять. Как под Харьковом, в прошлом году. Оттуда мало кто выбрался.

– Первый раз вижу попа-добровольца.

– Так ты и воюешь-то еще первый месяц, салага!

Это сказал ефрейтор, пять минут назад подошедший на

запах дыма. С ним поделились, конечно. Дело житейское. Сегодня ты нам на хвост сел, а завтра мы тебе. А может быть, и не будет никакого завтра... Но с другой стороны: может быть, и у кого-то из немцев этого самого "завтра" не будет? Не сорок первый год на дворе, когда он по свистку воевал. Буквально ведь, по свистку. У фельдфебеля стреляная гильза, он в нее дует, свистит и отделение делает перебежку. Снова свист – второе перебегают. Сзади, из-за цепи, лупит десяток пулеметов, да еще миномет накидывает. А у тебя – "трехлинеечка" и три обоймы. Сейчас же они запасли и бутылок с бензином, и гранат, и даже пару противотанковых мин саперы оставили. Патронов – вообще валом. Пушкари левее в землю зарылись, минометы есть... Было, короче, чем встретить дорогих гостей.

– Сейчас, после Сталинграда, полегче стало. Фриц уже пуганый. Зимой-то им хорошо врезали, так что тебе, считай, повезло, что только нынче призвали.

– Да я ничего... Просто удивительно как-то.

– Чего же тут удивительного? – спросил старшина. – Место священника где? Там, где его паства. А паства на фронте, в приходе одни бабы остались. Таких, как я, не один и не два, только не звонят о себе, почем зря. Замполит не одобрит.

– Он про тебя знает?

– Конечно. Зачем мне скрывать?

– Расстрига, значит?

– Дура! – ефрейтор приподнялся, выглянул из окопа и

снова сел на место. – Расстрига – это когда выгнали. Вот Гришка Отрепьев, к примеру, расстригой был. А он сам ушел.

– Ты бы, Петро, не высовывался так, – сказал старшина. – Мало ли, снайпер... Вообще-то я сан не складывал, но согласно Уставу духовному, имел право просить об этом. Греха в том нет. Осуждается, когда священник о сложении сана просит из страха, или по нужде, но если кто из епископов считает, что я из страха в военкомат пришел, то пусть сюда в траншею придет и о том мне скажет. С охотой приму епитимью, но пока я что-то никого из них здесь не видел.

Остальные рассмеялись. Им епископы на фронте тоже пока не попадались. Молодой сказал:

– А я вот в церковь не ходил. Вернее был там, только давно очень. Бабка носила, крестить. С тех пор ни разу.

Старшина махнул рукой.

– Это ничего... Даже если бы и не крещен – что с того? Про крещение огнем не зря сказано. Ведь что это такое? Это обряд, во время которого человек меняется, утверждаясь в вере своей. Вера важнее всего. Верь, что победишь. Больше-го, я думаю, никто не потребует от тебя.

За перелеском на востоке шла вялая перестрелка, иногда начинал молотить короткими очередями немецкий пулемет, а у них пока было тихо. Потом за речкой раздался громкий, но довольно быстро стихший вой. Киря аж подскочил.

– Что это!?

– Сиди ты спокойно. Чего испугался? – Петр придавил его за плечо к земле. – "Скрипуха" это. Миномет ихний реактивный. Не слышал что-ли ни разу?

– Не-а!

– Ну вот теперь знаешь, как он бьет. Осколков после него – не собрать, так что не высо...

Слитно, один за другим, на противоположном от них ска-те высоты ударили разрывы. Старшина посмотрел на взле-тевшие в небо бревна, вздохнул и сказал:

– Похоже, прямо в блиндаж положил. Опять мне взводом командовать.

– Думаешь, хана взводному?

– Да кабы не ротой... Ротный-то там же мог сидеть. Петро, давай за пулемет, первым номером. Схожу, проверю. Если не вернусь, значит за командира пришлось побыть. Вот же падла! Этот шестиствольник теперь задаст нам по самое не хочу. Там овраг и видимо фрицы ночью его туда закатали, а мы это дело прощелкали. Теперь его не выковырять.

Он поднялся, поправил ремешок каски и пригнувшись побежал по ходу сообщения.

* * *

От блиндажа осталась глубокая яма, заваленная бревна-ми и землей. Двое знакомых солдат из первого взвода тупо смотрели в нее, не зная, что делать.

– Ротный где? – спросил он.

Один из солдат молча показал на курящийся над бревна-

ми дымок. Реактивная мина легла не прямо в накат, иначе бы тут ничего не осталось, а рядом, но этого как раз хватило, чтобы подбросить бревна, а потом обрушить их вниз.

– А Васильев?

– Там же. Бухали они ночью. И с первого взвода лейтенант там же был. Старшина им спирта притащил, вот и...

Все было понятно. Не вдвоем же с командиром второго взвода ротный день рождения праздновал? Наверняка всех позвал. Замполита подранило еще позавчера, так что рота осталась без офицеров. Андреич поднял руку, чтобы почесать затылок, но рука наткнулась на каску.

– Так... Ты – он ткнул пальцем в одного из солдат. – Где штаб полка знаешь?

– Ага...

– Чеши туда. Скажи, что вторая рота осталась без офицеров и что командование принял старшина Козлов. А ты, – он показал на второго – давай, возвращайся в свой взвод, скажи там то же самое. Яковлев у вас замок, пусть командует, ему не впервой. Передай приказ: "Приготовиться к отражению атаки противника". Понял?

Тот часто закивал головой.

– Во втором взводе так и так я старший. В третий сейчас сам схожу. Все. Быстро!

Вокруг понемногу собирались солдаты, выбравшиеся из щелей и землянок. Андреич только сейчас понял, что ему с самого начала показалось странным. Пахло одеколоном.

Ротный всегда после бритья смачивал им щеки. Совершенно фантастический запах мирной жизни.

Снова заревела "Скрипуха". Мины легли западнее, подняв огромное облако пыли в расположении первой роты. С нашей стороны ответили 82-миллиметровые минометы. Солдаты, не дожидаясь команды, снова разбежались по укрытиям. Концерт начался.

Андреич сплюнул и двинул в третий взвод.

* * *

С одной стороны: это было хорошо, что лейтенант, которого назначили три дня назад, все-таки уцелел. Значит офицер в роте все-таки есть и одному отдуваться не придется. С другой: лейтенант был самым настоящим мальчишкой. Прислали его вместе с тем же пополнением из маршевой роты, что и Кирию, три дня назад. Девятнадцать лет, ускоренный выпуск.

То, что ротный убит, он вообще не знал. Не сказал никто, а самому сбегать – не судьба. Когда Андреич просветил его на этот счет, лейтеха даже не сразу понял, что из этого следует. Командовать ротой? К такому его жизнь не готовила! Он и взвод-то получил совсем недавно. Понаберут молодых в училища со школы...

Немцы к тому времени разошлись вовсю. Молотили по деревне в тылу и по обращенному к ним скату высоты. Залетало и сюда, на обратный. На головы то и дело сыпалась земля, но больше почему-то доставалось третьей роте. Мо-

жет быть, они считали, что основной узел обороны именно там? А вообще-то артподготовка была довольно бессистемной. Лупили по площадям. Куда прилетит – туда и ладно.

– Ладно, лейтенант, не перди паром! – старшина хлопнул офицера по плечу и улыбнулся. – В полк я уже послал человека. Если добежит, то пришлют кого-нибудь. Если нет, то связи все равно нету и никто тебя ругать не станет.

– Комбат...

Старшина усмехнулся.

– Ты нашего комбата не знаешь! Его срандель танком с места не стронуть. Будет на НП сидеть и материться. Ты просто по сторонам внимательно смотри, командуй своими людьми и если из полка, или из батальона приползет кто – возьми его на себя и доложи обстановку. В первом и втором взводе мы с Яковлевым справимся. Главное сейчас – связь с полком, с минометами и с пушкарями, вот и займись ею, как старший командир. Минометчикам без корректировки огня работать никак нельзя.

– Так ведь и телефонов нету ни одного. Ладно, придумаем что-нибудь. Все равно из полка должны связистов пригнать.

– Давай. Я в первый взвод схожу, передам, что ты цел. Заодно своих по местам разгоню.

Артобстрел прекратился как раз когда старшина добрался до окопов первого взвода.

С Ванькой Яковлевым Андреич знаком был не слишком хорошо. На самом деле звать Ванькой человека, воюющего

почти год, вроде как и неловко, но больно уж у старшего сержанта вид был неказистый. Был он маленького роста, курносый, рыжий и казался моложе даже своих двадцати лет. С торчащими в разный стороны ушами тоже ничего сделать было нельзя.

Однако он был далеко не прост. Два ранения, служба в разведоте, из которой его по каким-то причинам выперли и недавно нашедшая его после госпиталя медаль "За отвагу" – все это говорило само за себя. Замкомвзвода из бывшего разведчика получился отличный. Он и на "Ваньку" не обижался, зато солдаты его слушались с полуслова. Умел "замок" с людьми разговаривать и если бы на то была воля бывшего священника, то он бы именно Ваньке отдал командование ротой. Но нельзя. Тот не согласится, да и как ни крути, а старшина сержанта старше.

Яковлев уже был в курсе случившегося и деятельно распорядился во взводе. Его солдатики разбежались по местам, подгоняемые матерными напутствиями. Услышав о том, что в третьем взводе уцелел офицер, он довольно кивнул. Все-таки лишняя прокладка образовалась между ним и штабом. Он только и спросил у Андреича:

– Думаешь, на нас попрут?

– Не, на нас – вряд-ли. Вначале третью роту попробуют раздавить, там танкам пройти легче, потому и долбят сейчас по ним. Но нам от этого пожалуй что даже тяжелее, потому что нами потом займутся, а танки еще добавят.

– Согласен. Ударят в стык, выйдут к нам в тыл. Дальше – дело техники. Я уже послал одного из своих на батарею, предупредить. Им, правда, далекоовато, но... Ага, началось! Вон они.

За ручьем перебежали немецкие пехотинцы, выходя на рубеж атаки. Кто-то выстрелил по ним, хотя расстояние было не меньше километра и попасть можно было разве что случайно. Яковлев заорал в ту сторону, причем приличными словами в фразе были только предлоги и местоимения.

Андреич мысленно перекрестился и побежал по траншее в свой взвод, ставить оборону.

* * *

Час спустя исход боя еще не определился. На поле дымились шесть немецких танков. Немцы в ответ разнесли полковые батареи 76-миллиметровых пушек но снова лезть вперед пока опасались. Зато их пулеметы старались изо всех сил, а стоявшие вдальеке танки били из пушек по позициям, методично нащупывая пулеметные точки и бронебойщиков. Немецкая артиллерия перенесла огонь в глубину. Понимая, что сейчас произойдет, старшина отправил два из трех имевшихся во взводе ручных пулеметов на запасную позицию, с приказом отсечь немецкую пехоту от танков, но не открывать огонь до самого последнего момента. Тут-то его и нашел лейтенант, командовавший третьим взводом.

– Связисты приползли, – проорал он, перекрикивая грохот боя. – Приказано держаться. У немцев резервов нет.

Старшина поморщился. Все-таки неприятно, когда тебя за идиота держат. Ну откуда в полку знать, есть ли у фрица, чем развить успех? Если бы к ним туда разведка ползала, то в ротах бы людей предупредили об этом. Дух повышают, не иначе! Вслух он сказал:

– А мы тут что делаем? Половины взвода уже нет и сейчас они полезут всерьез. У тебя как, пулеметов много?

– Два пока стреляют.

– Пусть приготовятся. Бронебойщикам тоже команду дай. Нужно будет поддержать третью роту. Атакуют обязательно ее, потому что позиции первой прикрыты оврагом, а на нас им нужно идти вверх по склону. Если они прорвутся, то обойдут и нас, и первый батальон. Но если мы у них танки выбьем, то считай, что продержались. Сегодня – продержались, ну а завтра – как Бог даст. С минометчиками связь есть?

– Была. Корректировщик у меня во взводе сидит. Я приказал пока огня не открывать.

– Правильно сделал. Самое важное для нас пехоту остановить. Без нее мы с танками справимся.

Лейтенант, пригибаясь, убежал по траншее, а немецкие танки наконец сдвинулись с места и медленно пошли вперед, перестраиваясь в "шахматный" порядок. Старшина машинально пересчитал их. Двадцать один. Очко.

* * *

– Откуда их столько повылазило!?

– Там же наши траншеи были. Они в них и сидели. Ну что,

Кирия? Готов?

– К чему?

– К тому... По крайней мере одну коробочку мы у них уделаем, если что.

Кирия покосился на вещмешок с лежащей в нем противотанковой миной и парой гранат.

– Если они нам разрешат.

– Да куда они денутся? Но похоже, что Андреич прав был.

На третью катят. Значит будем делать, что он сказал.

– Ага... Петь, а ты че спокойный такой?

Ефрейтор удивленно посмотрел на него.

– Чего мне волноваться? Карты сдали, пересдавать поздно, теперь только сыграть осталось. Трясет тебя, да?

– Есть немного.

– Меня в первом бою тоже трясло. Ничего... Два раза не убьют, как один умный человек сказал.

Он выглянул из окопа, оценил расстояние до немецкой цепи и вытащил из кармана портсигар. Еще оставалось время покурить, а заодно и порисоваться перед мальчишкой, доставшимся в напарники. Ну и не показать виду, что его тоже трясло – это тоже. Два раза не убьют, но и одного тоже

никому не хочется.

* * *

В спину что-то давило и было темно. Вечер, что-ли? А почему стреляют до сих пор? Старшина окончательно пришел в себя и кое-как проморгался от попавшего в глаза песка. Танки были совсем близко, метрах в ста. Под гусеницей одного из них взлетела фонтаном земля и машина закрутилась на месте. Мина... Остальные продолжали надвигаться на окопы.

Лейтёха из третьего взвода не подвел. Батарея ротных минометов открыла огонь как раз вовремя. Хлопки выстрелов не были различимы в грохоте боя, но разрывы 50-миллиметровых мин ни с чем не спутаешь. Немецкие пехотинцы залегли, а шесть танков отделились от строя и повернули на высоту. Старшина успел крикнуть, чтобы готовили бутылки с бензином, в этот момент рядом грохнул взрыв и его впечатало в стену траншеи. Хорошо, хоть в себя пришел быстро, но взвод успел окончательно потерять управление, а танки подошли к окопам вплотную.

По лобовой броне идущего первым танка растеклось пламя. Кто-то поспешил с броском. Немец, не обратив на огонь внимания, наехал на окоп, крутнулся на нем, а потом пошел дальше. Не замечая, что из ушей течет кровь, Андреич нашупал в нише полузасыпанные набросанной взрывами землей бутылки с бензином. КС, самовоспламеняющиеся. "Пропустить над собой и поджечь" – легко сказать... Больше всего

на свете ему сейчас хотелось забиться в щель и превратиться в таракана. Если сейчас немцы поднимутся...

Не поднялись! Заработал один из ручных пулеметов, которые он до того послал на фланги. Пользуясь моментом, старшина перебежал, приподнялся и одну за другой швырнул обе бутылки в проходившую мимо машину. Вторая угодила как раз туда, куда нужно – сзади, за башню. Несколько пуль выбили из бруствера фонтанчики песка совсем рядом и он залег, пытаясь сообразить, где можно раздобыть гранаты. Ведь готовили же связки, заранее готовили! Куда все растащили? Наверняка все осталось в ближних к немцам окопах. Подоженный им танк остановился. Откинулся люк, оттуда высунулся танкист в черной форме, сразу запрокинулся, получив чью-то автоматную очередь, повис на башне, свесив руки. Остальные машины продолжали уютить траншеи на гребне высоты, поливая все вокруг из пулеметов.

И тут старшина не поверил своим глазам. От башни одного из немцев веером взлетели ослепительные искры. Он зажмурился, потом посмотрел снова. Танк стоял. Через несколько секунд то же самое повторилось еще с одним танком. Он подумал, что снаряды прилетели откуда-то из третьего батальона, но потом заметил движение в разрушенной деревне в тылу. Там, почти неразличимые среди обгоревших стен, стояли две самоходки, "коломбины", многократно проклятые экипажами за бензиновые движки, слабую броню и открытые башни и столь же многократно благословленные

пехотой за мощные 76-миллиметровые пушки и отличную проходимость. Сюрприз! Приятный для его взвода и очень неприятный для фрицев.

Еще один немец получил сразу два снаряда в борт. Из всех его люков и щелей рванулось пламя, башня подлетела вверх и упала обратно на погон. Взорвался боезапас. Последний танк, заметивший наконец опасность, быстро ушел за подбитый, развернул башню в сторону самоходок и начал ворочать пушкой. За ним мелькнула чья-то маленькая фигурка, под корму полетел зеленый сверток. Ударил взрыв. Танк осел задом в траншею и загорелся.

Только сейчас старшина понял, что не слышит ни звука.

* * *

Вечером, когда пять последних уцелевших немецких танков задним ходом убрались восвояси, они втроем собрались в том же самом окопе, в котором сидели утром. Ефрейтор притащил три фляги со шнапсом, снятым с мертвых немцев. На боку у него болтался трофейный "шмайсер". Киря взахлеб что-то рассказывал, но старшина конечно же не понимал, что. Наконец он сказал:

– Ты меня слышишь?

Тот закивал головой.

– Возьми две фляги, сбегай молодыми ногами в деревню к танкистам, отнеси им. Если бы не они...

Тот снова кивнул и убежал. Петр достал из кармана конверт и написал на нем: "Он танк подбил".

– Скажи лейтёхе: пусть наградной напишет.

"У тебя кровь из ушей течет".

– Пофиг, уже не болит. Сейчас третий батальон подтянется – тогда и в санбат пойду.

Старшина откинулся на стенку окопа и закрыл глаза. Водка приятно грела пустой желудок и ему чудилась вечерня в церкви, где он читал ектению, как это и положено, когда служишь без дьякона.

Танкист-подводник

Воентехник спрыгнул с остановившейся на дороге "полуторки" и махнул водителю тягача рукой в сторону маленькой группы людей, стоявших на берегу реки. Тот кивнул из своего люка, лихо развернул свою машину, которая была обычным Т-34, пока с нее не сняли башню и погнал ее в указанном направлении.

– Отъездь вон туда, под деревья и замаскируйся, – сказал воентехник водителю грузовика и не особенно торопясь пошел за тягачом, по примятой гусеницами траве.

Речушка была, что называется: переплунуть можно. До другого берега всего метров двадцать. Берега – песок и довольно плотный суглинок (он уже привычно прикидывал, справится ли тягач с работой).

Подойдя, он пожал руки своему ремонтнику, покосился на стоящего рядом лейтенанта в черном комбинезоне, спросил у сержанта:

– Где он, Саня? Хотя и так ясно. Вон же следы!

Где танк уехал под воду, действительно было отлично видно и по следу гусениц, и по расплывающемуся на поверхности радужному масляному пятну, которое постепенно сносило вниз по течению. Вероятно, единственный омут на всю речушку и в длину всего-то шагов десять, но утопить "тридцатьчетверку" доблестному защитнику Родины места хвати-

ло.

– Ну что, – воентехник посмотрел на танкиста. – Как же ты докатился до жизни такой?

Тот хмуро ответил:

– Как-как?.. Простым каком! Гнал машину в полк со станции, остановился воды набрать. Тут "мессеры"! Я – внутрь, завелся, по мне сверху из пушек... Ну и дернул с места на третьей.

– ... и стал подводником!

– Пока задним ходом пытался вытянуть, сполз еще глубже. Пришлось выбираться. По дороге самоходы наши проходили – связался с полком по радиации, вызвал помощь.

– А экипаж где?

– Экипаж пока я один. Приеду в полк – наберу "безлошадных".

– Ясно... Саня! Все, что нужно в машине. Тросы, шланг... Вытаскивайте с Колькой, – он показал на тягач. – А мы с танкистом пойдем в лес.

– Зачем? – удивленно спросил лейтенант.

– За дровами, родное сердце, за дровами. Надеюсь, тебе не надо объяснять, зачем дрова нужны?

Когда они вернулись с охапками валежника, два сержанта-техника уже раскладывали на берегу тросы и длинный резиновый шланг. На дрова плеснули немного солярки, костер загорелся коптящим пламенем и воентехник наконец соизволил пояснить танкисту:

– В воду лезть придется, а она холодная. Если не будет, где погреться, то люди простынут. Могут и воспаление легких схватить.

– А-а-а! Понятно.

– Сейчас еще ладно, август месяц на улице, а было дело. Мы в январе вот так же в воду лазили и утонувший "КВ" выдергивали двумя танками.

Он закурил, глядя, как Саня крепит хомутами на переходнике резиновый рукав с одной стороны и противопогазный шланг с другой.

– Зачем? – спросил танкист.

– Затем. Ты ведь передачу не выключил? Наверняка нет... Вытаскивать будем – гусеницы раскрутят дизель, он наберет воды. Тогда хрен мы его заведем сразу, придется разбирать, да и не факт, что вообще на передаче сумеем выволочь. Грунт слабый. Значит что, нужно забраться внутрь, снять рычаг кулисы с передачи. Это на ощупь сделать сложно, а противопогаз надел, дышишь через шланг – и ныряй, сколько хочешь... Пошли-ка, еще разок до лесаходим. Эй, Саня!

– Аюшки?

– Быстрее давай! Солнце скоро зайдет, а нам еще заправлять его и масло менять.

– Петрович, ты-ж меня знаешь!

– И шланг проверь как следует, прежде чем в воду лезть. Пойдем, танкист.

Вернувшись из леса во второй раз, офицеры обнаружили

"тридцатьчетверку" вытащенной на берег а водителя – копошались в моторе. Второй техник грелся у костра, сидя на корточках, накрывшись брезентом и не озадачивая себя одеванием.

– Тащь воентехник второго ранга, долаживаю! – сказал он, шутливо приложив руку к "пустой" голове. – Машину вытащили, но не знаю, ту ли, что надо.

– Их там что, не одна, – удивился танкист.

– Так точно, не одна! Вторая, судя по пушке, немецкая "тройка" и стоит она там, как я думаю, еще с зимы, когда они тут наступать пытались. Под лед ушла. Неплохо бы нам трофейную на сборный пункт оттараканить, как думаете? Может, медаль дадут!

– Сначала этого заведем. Коля, где ключи?

– У меня! – отозвался перемазанный маслом водитель.

– Дай разводной. Солью баки...

...

На закате "тридцатьчетверку" наконец удалось завести. Немца зацепили под водой тросами, дернули двумя машинами и выволокли на берег. Воентехник с трудом вскрыл ломом верхний люк, посветил внутрь фонариком и покачал головой.

– Коля! – крикнул он. – Тащи лопату из машины.

– Что, экипаж там остался?

– Ага, весь. Похоронить нужно. Не везти же скелеты с собой на базу – люди засмеют. Боекомплект тоже выкинуть не

помешает.

Сержант почесал пятерней стриженный затылок.

– Зря я про фрица сказал...

– Это точно. Но никто тебя за язык не тянул. И ты же хочешь медаль?

Ремонт на поле боя

– Видишь его?

Вопрос был риторический. Стоящий в двухстах метрах от переднего края "КВ" был виден отсюда отлично. Подбили его еще три дня назад, во время контратаки и теперь он торчал посреди нейтралки, как кость в горле у начальства. Приказ: "Вытащить!" – но как это сделать? Выгнать на поле тягач означало подставить его под огонь немецких пушек, а рискнуть еще одним танком... Под трибунал пока никто не хотел.

Немцы ни жечь, ни взрывать танк не стали, хотя возможностей за два дня у них было предостаточно. Могли зенитку подтянуть на прямую наводку, или гаубицу, но по машине они не стреляли, значит приказ у них такой же: "Вытащить." Понять их было можно. Захвати такой трофеей почти целым – и сверли дырку под "Железный крест".

Воентехник второго ранга, которого ремонтники звали просто Петровичем, опустил бинокль и коротко ответил:

– Вижу.

Чин не велик, соответствовал лейтенантскому. На заводе он мастером смены был, а младший сержант технической службы, вместе с которым он сейчас сидел на ротном НП, бригадиром, так чего тут? Не в званиях счастье.

– Говоришь, по месту сделать можно?..

– Там две тяги оборвало и гусеницу натянуть – всего де-

лов. На три часа работы. Топливо есть в баках, масло тоже.

– Ночью...

– Ну так днем-то они не дадут!

– А в темноте ты что сделаешь? Заметят свет – сразу хана, не выберешься. Хотя можно брезент найти и зачернить его...

– Так я уже того... нашел! И пехота поможет.

Судя по хмурому лицу командира роты, который присутствовал здесь же, помогать он не особо хотел. В роте после двух недель боев, как говорят в сводках: "местного значения", осталась меньше половины людей. Танк чей? Танкистов. Вот пусть они и помогают, раз бросили его.

– Пехота нам поможет разве что разведкой, – заметил воентехник. – Чинить они не станут, да и не доверишь им это дело. Звякнут молотком слишком громко и что тогда? Ночью звук хорошо разносится. Нет, чинить будем мы сами, а вас, молодой человек (он посмотрел на ротного) я прошу сегодня проверить подступы к танку. Немцы могли там мин набросать. Обидно будет сгореть на отремонтированной машине.

Тот кивнул. Что оставалось делать? Приказ из полка был категоричен, а рискнуть парой разведчиков все-таки лучше, чем атаковать немцев остатками роты, пока танк вытаскивают тягачом.

* * *

Ночью трое техников подобрались к танку, таща с собой инструменты, запчасти и пару запасных траков. Больше все-

го возни было со сбитой гусеницей. Поврежденный трак выкинули. Чтобы не греметь металлом, опорные катки обмотали кусками брезента, уже по этой "прокладке" протаскивали стальные звенья. Осторожно стянули их и зафиксировали длинными пальцами, тихонько постукивая по ним обернутым ветошью молотком. Потом забрались внутрь танка. Пока сержанты копошились внизу, в отделении управления, Петрович осматривался в башне.

– Эти засранцы даже затвор из пушки не вытащили, – прошептал он.

– Что? – спросили снизу.

– Танкисты, говорю, затвор оставили.

– А-а-а! Понятно. Немцы здесь ползали, не обратили внимания, значит.

– Как понял?

– Фляга ихняя валяется. Ремешок оборвался.

Петрович осторожно, чтобы не загреметь, открыл затвор и посветил в ствол пушки фонариком. Что его заметят немцы, он не опасался, пушка смотрела вверх. Внутри было чисто. И три фугасных снаряда в боеукладке...

– Вы там как? Скоро?

– Десять минут – и можно ехать.

– Зер гуд!

Высунув голову из люка, Петрович тихонько посвистел. Из темноты привидением выполз разведчик в плащ-палатке.

– Сматывайтесь, – сказал ему воентехник. – Скоро заве-

демся, тогда здесь жарковато станет.

Тот молча кивнул и исчез. Снова усевшись на место наводчика, Петрович проверил механизмы наводки. Все работало. Панорама и прицелы тоже были целы. Наши, видимо, забыли все на свете, когда гусеницу потеряли, но почему немцы их не сняли, или не разбили, было непонятно. Может быть, хотели получить танк целехоньким?

– Как дела? – спросил он, глядя вниз.

– Скоро.

– Не спешите. Рассвета подождем.

– Зачем!?

– Надо. За Питер посчитаюсь с ними...

Постепенно снаружи светлело. В панораму уже можно было различить передний край немцев и Петрович решился.

– Саня! Лезь сюда. Заряжать умеешь?

– Спрашиваешь!

– Отлично. Колян, давай за рычаги. Сейчас заведешь и на малых оборотах погоняешь тихонько. Как выстрелю третий раз – тяни задним ходом, по прямой. Есть у меня все-таки опасение насчет мин. Понял? Движок заведется – будет шумно, так что поговорить не получится. Надеюсь, этим уродам хватило времени, чтобы проснуться и на наблюдательном пункте собраться.

– А ты знаешь, где он?

– Знаю. Рассвет в стеклах бинокля отразился, я заметил. И стереотрубу видно, если присмотреться.

Все трое заняли свои места. Мотор завелся и заревел. Лязгнул снаряд, уходящий в казенник пушки. Заряжающий отодвинулся подальше от нее и башня танка медленно повернулась. Прицелившись, Петрович выждал немного и надавил на педаль спуска. Орудие рывкнуло.

В панораме было отлично видно, как взрыв поднял в воздух бревна и доски. У немцев в небо взлетело сразу три осветительных ракеты, но они лишь подсветили новые цели для наводчика. Снова лязг снаряда, который оглушенные выстрелом техники уже почти не слышали. Второй выстрел! Снаряд взорвался на позиции минометной батареи. Третий разнес пулеметное гнездо и только тогда водитель на малой скорости повел танк назад, к своим.

Баранья битва

Кирию разбудил вкусный запах жарящегося хлеба. Он даже подумал, что это ему снится и что сон слишком хорош, чтобы просыпаться. Потом запах стал еще вкуснее, он понял, что ему не мерещится и открыл глаза.

В выбитые окна полуразрушенного фольварка, в котором обосновался их дозор, светило веселое мартовское солнце. Задача у дозора была очень простой: предупредить, если на ведущих к перекрестку дорогах появятся немцы, или кто-то из начальства. О немцах они должны были сообщить красной ракетой, а о начальстве зеленой, продублировав сигнал парой выстрелов. Ничего сложного. Двое спят, третий смотрит в бинокль. Вот только почему его не разбудили? И откуда да этот запах?

Он поднялся, надел шинель, которой укрывался и перетянул ее ремнем. Потом поднял лежавший рядом с ним ППШ и выглянул в дверной проем.

– О! Проснулась наша Спящая красавица, – прокомментировал его появление сидевший у костра и что-то жаривший старшина. – Никак выпался?

– Дык это... – Кирия шмыгнул носом. – Сплю и чую: где-то жрут без меня. Чем это пахнет, Андреич?

– Тебе не все равно? Иди лучше, Петра смени. Он тебя утром будить не стал. Сказал, что сам постоит.

– Ага, ладно. Сейчас. А чем пахнет-то? Опаньки...

Подойдя ближе, Киря наконец разглядел, что делает старшина. Тот жарил на своей саперной лопатке яичницу. Вот откуда шел запах.

– Нифига себе! Где взяли?

Старшина усмехнулся и ответил:

– Ты ночью снес! Я мимо шел – лежит яйцо рядом с тобой.

– Андреич, не гони!

– Я тебе хоть раз врал? Вон и Петька подтвердит. Эй, Петруха!

– Чего? – ответили сверху.

– Скажи, что яйцо рядом с Кирей нашли!

– Без базара! Рядом лежало.

– Слышал?

Киря удивленно хлопал глазами. Старшина раньше в подобных розыгрышах замечен не был, но поджаривающееся яйцо говорило само за себя.

– Ты проверь по карманам, может там еще есть.

Он действительно сунул руки в карманы шинели, но тут его взгляд упал на лежащую в углу белую курицу с отрубленной головой. Киря сразу все понял и рассмеялся.

– Ну, Андреич! Подколол...

– Заметил, наконец? Курятник здесь "тридцатьчетверка" переехала, всех курей пехота переловила, а эта как-то уцелела. Пришла ночью к тебе и снесла яйцо. Петр ее заметил и – штыком, а ты сопел в две дырки и ничего не услышал.

Петруха!

– О-у?

– Комм цу мир, делить будем. Киря, отвернись!

Поджаренное яйцо было аккуратно переложено с лопатки на кусок хлеба, накрыто вторым куском и этот бутерброд двумя взмахами ножа был поделен на три примерно равные части.

– Кому? – спросил старшина, указывая ножом на один из кусков.

– Мне.

– Ха! Прогадал. Кому?

– Тебе.

– Молодчик!

Кусок был самым большим.

– Ну, бери свой и топай на пост, а я этот подарок судьбы ощипывать буду.

Спустившийся вниз Петр двумя глотками проглотил свою долю и запил водой из фляги. Спать он не стал, а вытащил из кармана гимнастерки нитку с иглой, снял шинель и начал зашивать дырку.

– Курица – это еще ничего, – сказал он. – Вот у нас той зимой случай был, это еще до того, как я в этот полк попал. Мы тогда наступали на Сальск...

* * *

Калмыцкие степи ровные, как стол. Наступить по ним – одно удовольствие, если конечно по дороге и если танки есть. На танк забрался, встал, как суслик – и все видно километров на десять. Немцу никак не спрятаться, хоть ты весь бинтами обмотайся. Сплошной линии фронта нет, но зато если впереди высота, то можно быть уверенным: там у них опорный пункт. Сходу сбить вряд-ли получится. Не для того фриц окапывался, чтобы дать себя с налету скovyрнуть парой танков. Торопыг, пытавшихся показывать подобные фокусы, похоронили еще в сорок первом году.

Значит надо разворачиваться, подтягивать артиллерию и, как говорится, начинать боевые действия. Лучше всего конечно попробовать противника окружить. Вот так и вышло, что два батальона стрелкового полка завязли, а третий, с приданной ему минометной и артиллерийской батареями и танковым взводом получил приказ вырваться вперед с тем, чтобы обойти обороняющихся немцев, перерезав им пути отступления.

Ночью по степи особо не побегаешь. Пришлось остановиться и заночевать в поле. Красноармейцу не привыкать, лошадам монгольской породы – тоже. Присмотрели подходящую балку, где кусты кое-как защищали от ветра, выслали дозоры, как полагается и расположились на ночевку...

– Товарищ старший лейтенант! Ракета!

– Чего!?! – Командир минометной батареи хлопал со сна глазами, не понимая, чего от него хочет вестовой.

– Ракета! Немцы!

– Где!? Мать твою! Батарея, к бою!!!

Выбравшись на край овражка, старлей поднес к глазам бинокль. Километрах в двух от них двигалась какая-то сплошная серая масса.

"Пехота что-ли? Да их же там не меньше дивизии! Вот это мы попали..."

– Батарея! – заорал он, срывая голос на морозе. – Приготовиться к открытию заградительного огня. Прицел тридцать-двадцать, угломер...

Глядя на то, как солдаты суетятся вокруг минометов он мысленно похвалил себя за то, что вечером приказал подготовить огневую позицию.

– Огонь!

Мины ушли в ночное небо и посреди серой массы блеснули разрывы. Волна приближалась. Минометы продолжали стрелять, но немцы оказались какими-то фанатиками, не пробовали ни залечь, ни окопаться, перли сломя голову прямо на огонь очухавшейся пехоты. Потом спереди донеслись крики и взлетела зеленая ракета.

– Прекратить огонь!

"Да что там у них!?"

Душа у командира батареи, что называется: ушла в пятки. Какое-то время он думал, что открыл огонь по своим и уже прикидывал, как живется в штрафной роте. Потом мимо него с бляньем шарахнулись какие-то тени.

– Бараны, товарищ старший лейтенант! – закричал вестовой, азартно перехватывая карабин и снимая его с предохранителя.

– Сам вижу! Стреляй, мясо убегает!

* * *

Петр перекусил нитку и, критически разглядывая штопку, закончил рассказ:

– В общем, я столько мяса ни до того, ни после не ел. Пропать, сколько их минометчики набили. Каждый в батальоне за спиной по барану тащил, а кое-кто и за собой на ремнях их волок по дороге. На привале дух от костров шел, как... Как не знаю, от чего. Неделю на перловку никто смотреть не мог.

– Можно сказать: дар Божий, – хмыкнул старшина.

– Во-во! Дар... Слышал, Киря? Это тебе не яйца нести!

Щедрость русского танкиста

Набитый битком пассажирский вагон не спеша катился за паровозом, по Румынии, которая очень вовремя превратилась из врага в союзника. Сами румыны пока еще к русским как следует не привыкли, но выданные в качестве денежного довольствия леи брали охотно. Брали и рубли, так что вина было хоть залейся и занявшие три купе возвращающиеся из госпиталя офицеры культурно бухали второй день, не обращая особого внимания на румынскую публику.

Они специально выбрали местный поезд. Старшего по команде надоумил земляк в комендатуре: "Езжай на этом!" Военные эшелоны гнали сквозняком, без задержек, а "трамвай" подолгу стоял на разъездах, пропуская теплушки с пехотой и платформы с танками. "Куда спешить? Войну без нас не закончат, а если и закончат, так мы не обидимся. Приедем, отметимся у коменданта, дальше – в полк резерва офицерского состава, потом снова в танки, ну а в танках уже – как повезет." Деньги пока были, беречь их по дороге на фронт никто не собирался. Выданный на дорогу сухпай даже не трогали. Ели сероватый румынский хлеб, запивали красным вином и общее мнение было таким, что так можно бы ехать хоть до Берлина.

– Паша у нас в Бухаресте ихнем отличился, – рассказывал коротко стриженный старший лейтенант, державший в руке

большой кувшин с вином. – Эй, Паха!

– Чего тебе? – донеслось из соседнего отсека.

– Расскажи, как ты без очереди в кино пролез.

– Да ну тебя!

– Ну расскажи! А я тебе стаканчик налью...

В проходе появился здоровенный лейтенант, которого непонятно, как вообще в танковые войска взяли. Еще немного – и плечи не вошли бы в люк.

– Стаканчик? – спросил он.

– Ага...

– Давай, наливай.

Лейтенант уселся на сиденье, взял маленький румынский стакан, до краев полный красного, отломил горбушку и начал:

– Бухарест мы заняли, как сейчас помню: 31 августа. Последний день лета был. Немцы там конечно еще кусались, но ясно было, что город им назад никто не отдаст. Там мне и прилетело в бочину пара мелких осколков от мины, во время разведки. Фигня, за две недели зажило. И тут мне один кент предлагает в город сгонять. Я: "Зачем? Они же союзники, их даже на предмет выпить не тряханешь." А он сказал, что они тут рубли берут!

– Я тогда тоже удивился, – подтвердил сидевший у окна капитан. – Рубли, оказывается, даже в сорок третьем тут ходили. У нас один пацан был из партизан, родом с Молдавии, он рассказывал.

– Во! А мне незадолго до того за два подбитых танка выписали в финчасти. Полный карман бумажек, а куда их деть? Разве что в карты продуть. Сел в госпитале – масть пошла, еще выиграл! Ну и что? Решили сделать марш-бросок. Зашли в какой-то кабак, на пальцах растолковали, чего хотим. Притащил он бутылку водки ихней, закуски всякой. Сидим, отдыхаем, табак местный курим, официант на цырлах вокруг бегаёт, чего-то бормочет... Я думаю: "Денег хочет. Сколько ему дать?" Вытащил из кармана сотню, сунул ему. Он убежал, вернулся еще с одной бутылкой. Нормально! Теперь цены знаем...

– А кино-то когда было?

– Терпение! Сидим мы, значит... Одну бутылку уже уговорили. Смотрим: напротив кабака какая-то вывеска и туда стоит очередь, несколько мужичков. Мне зема говорит: "Там кинотеатр, наверное!" Мне сразу захотелось кино посмотреть. Хрен с ним, не пойму ничего, зато с полным правом потом у себя в бригаде похвастаюсь, что культурный уровень повысил. Нам к тому времени уже на хвост пара летчиков сели. Добили мы с ними второй пузырек по-быстрому, чтобы с собой не таскать, они остались, а мы пошли через улицу. На очередь конечно внимания не обратили никакого. Заходим... Мать честная! Я думал, такое только в старых книжках про буржуйскую жизнь бывает. Никакое это не кино оказалось, а самый настоящий... не знаю даже, как назвать. Короче: бабу там за деньги снять можно было.

Купе заржало в восемь здоровых глоток.

– Это вы удачно зашли!

– Еще бы! И без разведки, вот что самое главное! Потом туда весь госпиталь бегал, пока особист не прочухал это дело, а тогда я поначалу слегка того... как будто с "тигром" нос к носу столкнулся в городе. Сидят три девки на диванчике, смотрят, улыбаются... Потом думаю: "Триппер не ловил – значит и не жил!" Достая из кармана еще одну сотенную. Девки смеются и тычут пальцем на окошечко в стене. Там у них касса была. Я сотню сунул, два пальца показал, кассирша сразу всекла, что без сдачи. Дает мне два билетика. Я врубился в систему. Значит билетик даешь той, что понравилась и идешь с нею. Ну я рыжую выбрал и мы пошли. И знаете что?

– Давай, рассказывай!

– После меня она сразу домой отправилась, вот такой походкой – он приподнялся и показал некое подобие ходьбы в раскорячку. – Работать в тот день не смогла больше. Но я ей еще один столик на память дал. Пусть помнит щедрость русского танкиста.

– А что замполит? – спросил тот же капитан. – Он с тобой потом то же самое не сделал?

– Пытался. Но я уже выписывался и мне по щиколотки были и замполит, и на его предъявы. Пусть на фронт за мной с ними бежит.

1945, август

В середине августа 1945 года на побережье Японского моря было тихо. Маленький корейский поселок, расположенный на побережье южнее Сейсина, обезлюдел. Часть жителей японцы увели на работы на линиях обороны, часть попряталась. Передовую роту двадцать пятой армии никто не встречал цветами, да танкистам не больно-то этого хотелось. Оно и хорошо было на самом-то деле. Если тебя встречают (хоть добром, хоть гранатами), значит тебя ждали, а их здесь ждать были не должны. Севернее пехота и артиллерия добивали окруженный японский укрепрайон, а танки ушли дальше, хозяйничать на коммуникациях.

Теплый августовский день был уже на исходе, когда “тридцатьчетверки” с десантом на броне обошли деревню и взлетели на небольшую, покрытую деревьями, высотку, с которой дома были как на ладони. Автоматчики, развернувшись в цепь, двинулись вниз по склону, а один танк съехал по дороге вниз, к пристани.

Гусеницы вспороли песок на обочине. Башня развернулась в сторону хлипких дощатых бараков, над одним из которых ветер развевал небольшой белый флаг с красным солнцем. Пятеро десантников спрыгнули и рассредоточились, а их командир постучал прикладом по люку. Крышка приоткрылась и старшина крикнул, стараясь переорать дизель:

– Дай один раз фугасным по конторе!

Люк открылся полностью. Младший лейтенант высунулся, глянул вперед и снова исчез в башне, оставив его открытым. 85-миллиметровое орудие плавно наклонилось, башня шевельнулась, нащупывая цель стволом пушки. Старшина пригнулся, прикрыв уши руками.

Пушка рывкнула, подняв с дороги облако белой пыли. Крайний домик взрывом целиком приподняло в воздух. Он развалился на части, крышу унесло в море, а японский флаг сорвало с флагштока и ветром потащило к танку. В ответ никто не стрелял. Старшина спрыгнул с машины, выкрикнул команду и автоматчики перебежками начали приближаться к строениям. Танк слегка пошевелил башней, как бы намекая на то, что лучше им не мешать.

Намеки оказались излишними. Внутри никого не было. У японцев хватало времени вывезти все отсюда и они этим временем воспользовались. Не осталось ничего интересного ни с точки зрения разведки, ни для самих солдат. Даже паршивой зажигалки в ящиках столов не нашлось. Только стояли в прихожей, оставленные как будто в насмешку, два дражных ботинка, которые видимо долго таскал какой-то японский рядовой. Судя по ним, у японца было две правых ноги.

– Никого и ничего, – сказал лейтенанту вернувшийся к танку старшина.

Тот кивнул, наклонился вниз, что-то сказал радисту. Потом опять высунулся.

– Приказано держать берег. Могут попробовать прорваться отступающие с севера.

Пехотинец посмотрел на тянущийся на север пляж и хмыкнул. Ползать по песочку под огнем танковой пушки и пулемета – приятного мало. Пусть пробуют.

– Часовых выставим.

– Да... – лейтенант выбрался из люка и присел пару раз, разминая ноги. Потом спрыгнул на землю и посмотрел на багровеющее на западе небо. – Ставь часового, а у меня в танке наводчик останется. Пожрать ничего не нашли?

– Голяк.

– Ясно... Леха! – танкист постучал по полуоткрытому люку мехвода. – Давай вчерашнюю добычу.

Изнутри ему передали какой-то сверток. Старшина прищелкнул и разглядел торчавшие из под промасленного брезента куриные лапы.

– Ха! Когда успели добыть?

– Вчера какой-то курятник переехали. Птичек слегка расплющило, но это ничего... Ощипать надо. У тебя умеет кто? А то времени совсем не было.

– Да у меня все деревенские.

Старшина заорал в сторону домиков:

– Петька!!! Хорош рыться там! Комм цу мир!..

Подбежал рыжий ефрейтор.

– Бери мешок. Танкисты добычей поделились. Наберите досок сделайте костерок вон там, в простенке, чтобы с моря

и с берега не видно было. С берега – особенно, а то наши сразу на хвост сядут, как учуют.

Ефрейтор кивнул и потащил мешок к домикам. Через полчаса костер уже горел, огороженный с трех сторон брезентом и плащ-палатками. Двое пехотинцев ловко ощипывали куриц. В двух больших кастрюлях, подвешенных над огнем, грелась морская вода, а солдаты расселись вокруг костра на деревянных ящиках и принесенных из домиков скамейках. Танк тоже подогнали поближе.

– Вот так воевать можно, – сказал старшина. – Не то, что в сорок первом.

– Ты с самого начала? – спросил лейтенант.

– Да. Как под Ржевом начал, так и до самой Польши... Иван! – старшина приподнялся и посмотрел на одного из своих бойцов. – Иди, смени Ушакова.

– Дык он...

– Иди давай, не спорь!

Он снова откинулся спиной на стену.

– Я с сорок третьего, – продолжил лейтенант.

– Я и гляжу: молодой совсем. Но тоже срок почтенный.

Под Курском был?

– Был... У меня тоже Леха с сорок первого воюет. Леха?

– А?

– Ты когда в сорок первом призывался?

– В сентябре. Но я не сразу на фронт попал. Сначала учебка была...

Второй бой мехвода

Призвали Леху осенью 1941 года. Попал в танковую учебку, механиком-водителем. По тем временам это было круто. Механизация шла, но многие сельские парни трактор видели только на картинках, а уж чтобы водить уметь, да еще и чинить... В танке командир – бог, механик – полубог. В общем было, чем гордиться.

Выпуск из учебки был ускоренным. Под конец года они обкатали свои Т-34 и БТ. Был один КВ, его командир полка себе забрал, потому что в нем была рация. Их дивизию сразу погрузили в эшелоны и отправили на запад. Лехе достался восстановленный Т-34 одного из первых выпусков, о чем он впоследствии несколько не пожалел. Ехали, как сразу стало понятно, под Москву. Уже в поезде им зачитали обращение Сталина, значит это было примерно в первых числах ноября. Бойцы одновременно и боялись, и надеялись. Немцы наступали, но на железных дорогах было видно, какая мощь стягивается к столице с востока. Ехали две недели. Высадили под Клином.

Сразу в бой их не бросили. Поступила команда окопаться и замаскировать технику. Выполнили. Танки покрасили мелом. Командир полка лично опечатал все рации в части (у Лехи в танке ее и так не было). Запретили писать письма и его потом дома три месяца считали погибшим. Сидели, жда-

ли, изучали историю ВКП(б) с политруком.

* * *

В начале декабря началось! С запада – непрерывная канонада. Немецкие самолеты перестали летать, видимо авиации хватало дел на передовой. Пришел приказ выдвигаться к Клину и в середине декабря город взяли. Вот под Клином первый бой у него и вышел. А второй бой запомнился лучше первого потому, что в первом он ничего и не видел. Ведешь танк, остановка, пушка стреляет, снова ведешь, порохом воняет так, что люк пришлось приоткрыть. К вечеру машина цела, все живы и вспомнить нечего...

После прорыва немецкой обороны техники у полка осталось не очень много. Три Т-34 и один БТ поврежденный. Но их оставили на передовой. Немцы постоянно контратаковали и отдыхать было некогда. Наоборот: сразу пришел приказ: выдвигаться и поддержать пехоту.

Заправились, а вот боеприпасов не подвезли. В танках оставалось по 3-4 орудийных выстрела. Патронов, правда, много было, пехота поделилась. Выдвинулись. Старшим был командир первой роты, молодой лейтенант. Его танк и шел первым.

Все были молодыми, опыта не было. Нельзя командирский танк первым пускать. Когда он подорвался на mine и съехал с дороги на целину, это сразу стало ясно. Сразу вслед

за этим по танкам открыла огонь немецкая батарея. Командир упал в люк, Леха получил от него пинок в левое плечо, развернул машину и погнал ее по полю прямо на пушки.

Позже выяснится, что атаковал-то он один. Задней "тридцатьчетверке" немцы сбили гусеницу, каток и заклинили башню, а ее экипаж вылез и побежал в лес. Но Леха тогда этого не знал. Танк шел, по башне то и дело как будто кувалдой молотили. Немецкие "колотушки" не могли пробить лобовую броню, а он как мог, пытался вести машину так, чтобы немцы не видели корпус. "Попадут в баки – хана" – только эта мысль в голове и сидела. Он не стал даже закрывать смотровой люк, чтобы видеть поле.

Ясно было, что немцев придется давить гусеницами. На ходу из пушки не постреляешь, а останавливаться нельзя, потому что если немцы пристреляются, то все равно слабое место найдут. С трехсот метров прямо в люк всадят. Командир то и дело пинал его по шлемофону, "быстрее", а он в ответ матерился. Леха уже прикинул, как надо обойти батарею и как можно, не подставляя борт, вломиться на огневую.

Потом под гусеницей хлопнуло. Не особенно громко. Наша, советская противопехотная мина, как потом определили по остаткам деревянного корпуса. Рядом еще две штуки сидело, они тоже сработали, когда танк вертелся по кругу. Встали мордой к немцам. Корпус им по-прежнему не был виден и все снаряды так и летели в башню. Внутри сыпались горячие осколки от брони.

Он выбрался наружу через свой люк. Т-34 много раз отруган за конструкцию люка мехвода, но в тот раз она им оказалась вполне удачной. За ним вылезли остальные. Никто не был ранен, разве что кровь была на лицах от осколков брони. На четверых – два пистолета. Немцы били без толку по торчавшей из-за бугра башне. Под конец уже видимо от бессилия всадили несколько осколочных снарядов. Леха чуть не оглох. Хорошо, что шлемофон не снял.

Т-34 первых выпусков разные попадались. Какие-то нормально были сделаны, а у каких-то прямо на ходу броневые листы трескались. Этот был из "удачных".

Точку в бою поставил подорвавшийся на mine командирский танк, который остался сзади. Контуженный мехвод в нем пришел в себя, на одной гусенице и матюках выпрямил машину, башнеры повернули башню и выпустили по немцам все снаряды, что оставались. Немцы на этот танк внимания не обращали и они отстрелялись, как на полигоне. Одну пушку разбили, вторая была повреждена, третью немцы уволокли на руках. За горкой заревели моторы грузовиков и они смотались. Трупы и раненых тоже забрали. Бой кончился.

Заменили пару траков, натянули гусеницу и все-таки доползли до немецкой огневой. На башне потом насчитали с десятков отметин от бронебойных снарядов. Краска была счищена до металла, а ствол пушки погнут, так что полк боевую задачу далее выполнять не мог за отсутствием исправных машин. Потерь в личном составе не понесли.

Неподалеку была деревня, в нее до вечера отбуксировали оба танка с дороги. Отправили посыльного в штаб. Тот вернулся на следующее утро и передал приказ чиниться. К вечеру подошла машина из рембазы, привезли новую пушку и катки. На их танке зацепили башню сзади крюками, тросы от которых перебросили через блок на балке. Танк сдал назад. Башню приподняло и она наклонилась вперед. Через образовавшуюся щель вытащили кривое орудие, запихнули на его место новое. Первому танку ремонтники подшаманили ходовую и сказали, чтобы быстро не ездил. Третьему выбили из стыка застрявшую болванку и заменили один каток.

Выдвинулись согласно предпоследнему приказу, но пехоту на месте уже не застали, а их ждал приказ дожидаться. Подъехал их командир полка с еще одним офицером. Тот осмотрел танки и кивнул. Им приказали передать машины другим экипажам, а самим пешим порядком отправляться обратно в Клин. Дивизия, потерявшая половину состава, направлялась на переформирование.

* * *

– Наградили хоть?

Мехвод только рукой махнул.

– Какое там “наградили”? До нас награды и не доходили вовсе. Все по штабам расползлось. Да и давали-то тогда не шибко. Медаль – и то редко кому.

– Это точно...

Старшина вздохнул.

– Куда перья? В костер? – спросил автоматчик.

– Я те дам “в костер”! Завоняет паленым – сразу прибегут из роты. “Чем это у вас тут пахнет!?” А потом: ротному одну, замполиту одну, а мы тут будем лапу сосать без масла и хорошо, если лапу. Оставь в мешке пока.

– Ну тогда все. Ощипали и выпотрошили. Варим?

– Конечно! Пять цыплят, нас, пехоты, пятеро и пятеро танкистов. Как раз по полцыпленка на каждого. Сразу и порежь пополам.

– Сейчас сделаем!

Солдат вытащил из чехла саперную лопатку и уверенными, ловкими ударами разрубил тушки.

– Сухпай еще позавчера, слышь, доели.

Старшина посмотрел на автоматчика снисходительно.

– Ну так в наступлении всегда так и бывает, Петруха! Какая же кухня за танком успеет – сам подумай? Когда по сорок километров в сутки делаешь – тут не до жиру, а мы сегодня и вчера даже больше прошли.

– Да я все знаю. Однако живот подвело!

– Знал бы ты, как у нас четыре года назад все подвело! Но ты тогда еще мелким совсем был...

Командир полка, сержант

Люди шли на восток. По ночам немцы не воюют, вот по ночам и шли. Днем в небе висела немецкая авиация. Заметив любую группу людей, хоть беженцев, хоть военных, с неба валились “мессеры” и лупили из пулеметов почему зря. Местность была хоть и не слишком открытая, однако дорога на Ржев хорошо просматривалась с воздуха и была она тут одна-единственная, поэтому днем они отсыпались. Разводили костры, сушили портянки, грелись на октябрьском, бодрящем ветерке.

Карты у сержанта, командовавшего взводом, не было. Откуда карты? Их и потом, в зимнем наступлении, не больно-то раздавали в штабах. Покажут ротному на столе: “Наступаешь сюда. Запоминай!” Он себе от руки схемку начертит и поперли на пулеметы по этой схемке. А уж осенью карты были редкостью и кто бы стал их раздавать сержантам?

Они и повоевать толком не успели. Полк высадился из вагонов в поле, западнее Ржева. Был конец сентября. То-ли двадцать седьмое, то-ли двадцать восьмое число. Их взвод был на правом фланге, а вдоль левого проходила грунтовая дорога. На следующее утро после высадки вместо артиллерийской батареи, которая должна была к ним подойти и для которой они даже успели выкопать укрытия, на этой грунтовке появились три немецких танка. Позиции полка были

перед ними, как на ладони.

После первых разрывов с поля по окопам начали стрелять несколько пулеметов. Немцы не торопились атаковать, берегли своих людей, давая танкистам и пулеметчикам как следует подготовить атаку. Через час, когда поднялась немецкая цепь, по ней почти не стреляли.

Из небольшого лесочка сержант видел, как на дороге строили пленных, вытаскивали и кое-как перевязывали раненых.

– Смотри, не бросают! – сказал дышавший ему в затылок молодой белорус. – А говорили, что они и пленных-то не берут.

– Туда хочешь, к ним? – спросил сержант, обернувшись.

– Не... Пока не тянет. Ты че подумал?

– Вот и смотри у меня!

Они вернулись к взводу. В самом начале боя, когда люди были готовы поддаться панике, а командира взвода все не было, замкомвзвода под свою ответственность приказал отойти в лесок, в котором они вчера рубили жерди для землянки и приготовиться к бою. Землянку вырыть не успели, но разведка местности пригодилась. Сержант запомнил и лес, и овражек за ним, и дорогу через поле за оврагом. Прикинул, что можно будет, если что, в этом овраге укрыться от артиллерийского огня. Пригодилось. Когда над успевшими дать несколько выстрелов красноармейцами засвистели пулеметные пули, они начали отползать без команды, а когда прилетел и разорвался над головами снаряд, те побежа-

ли. Вот в этом овраге он их и остановил с помощью обычной русской матерщины.

Теперь солдаты хмуро сидели на сухой траве, поставив винтовки между коленей. Кто-то курил, кто-то перематывал обмотки. Да... Необстрелянные... Вчерашние крестьяне, мобилизованные местными военкоматами. Именно местными. У некоторых до дома было рукой подать и сержант подумал, что они наверняка сейчас подумывают по-тихому смыться в кусты. В армии конечно же не служил никто, кроме него, да и он-то, если по-честному, войну в первый раз увидал. Ну и что, что сержант? Демобилизовался в тридцать девятом. Финская мимо прошла, Халкин-Гол тем более. Что он видел? Эти пятнадцать человек, которых он даже по фамилиям запомнить не успел – кто он им?

Стоп! Пятнадцать? Сержант еще раз пересчитал людей. Ну да... Не ошибся... А было двадцать два. Одного он сам видел, как накрыло взрывом. Справа, помнится, тоже кто-то закричал, коротко и страшно. А остальные значит решили, что в одиночку шансов больше... Ну да, когда страна приказала стать героем, приказ выполняют не все.

Взгляд остановился на солдате, спокойно набивающем диск ручного пулемета. Тихое пощелкивание патронов успокаивало. В памяти всплыло заученное:

“Пулемет системы Дегтярева, пехотный, с дисковым питанием. Калибр 7,62 миллиметра. Скорострельность 500

выстрелов в минуту. Прицельная дальность стрельбы 800 метров. Порядок разборки...”

Пулеметчик перехватил его взгляд и вопросительно поднял брови.

– Что, Ильдар? Пострелять успел? – спросил сержант.

Тот кивнул, продолжая заряжать диск.

– Успел. Не долго, правда, но один пулеметный расчет я у них уничтожил. Докладывать станешь – не забудь.

– Молодец. А второй номер твой где?

– Там остался. Вот сюда прилетело.

Татарин показал пальцем на середину лба.

– На себе не показывай!

Тот только философски пожал плечами и загнал патрон в магазин.

– Кысмет. Чему быть – тому не миновать. Делать что будем, командир?

Теперь на него смотрели все. “Командир”... Слово сказано, никто Ильдара за язык не тянул. Значит надо командовать. Солдату, особенно новобранцу, без команды нельзя. Без команды он трусит, ходит толпой и сдается при первой возможности. Так когда-то учили в Красной Армии и плюньте тому в глаза, кто скажет, что там учили плохо.

Сержант поднялся. Остальные, глядя на него, тоже встали, опираясь на приклады винтовок. Винтовок...

– Рядовой... как тебя там?.. Где твое оружие?

Молодой, белобрысый парень стоял и мялся. Потерял, значит... По всем понятиям и законам, его сейчас надо отправить обратно, искать винтовку, да и всем с ним идти. Но куда теперь?

– Ты кто?

– Машкин я...

– Ты хоть понимаешь, что с тобой сделать надо?

Молчит. Но проняло. Косится в лес и как бы не побежал обратно.

– К Ильдару, вторым номером. Понял, маймун рязанский?

Ага, просиял! Сразу забрал у пулеметчика мешок с дисками.

– Ладно, слушай мою команду! Не разбредаться. Идем к штабу полка. Без нужды не высовываться, в бой не ввязываться. Вопросы?

Вопросов не было. Даже дежурную шутку насчет обеда никто не отмочил. Солдаты закинули на плечи вещмешки и не спеша зашагали за своим командиром по жухлой траве, а тот оглядывался, думая: “Почему толпой идут? Те немцы, которые атаковали их утром, наверное в такой ситуации шли бы по-другому. Как они атаковали утром!.. Свисток, несколько солдат делают перебежки. Еще свисток – еще несколько. И пулеметы... Грамотно воюют, гады!”

* * *

Штабные землянки были пусты. Их выкопали в первый же день. Командиру полка не положено морозить задницу. Пусть у солдат нет окопов, пусть полк только что с колес – первым делом надо организовать комфорт для штаба и для себя, любимого. Теперь все было брошено. Ни командира части, ни штаба, ни даже автоматчиков охраны. Только следы колес на инее. Не похоже было, что здесь побывали немцы, а даже если и побывали – не задержались.

Сержант осмотрелся, глянул в сторону багрово-красного заката и сказал:

– Ночуем здесь. Огня не разводить, а то фрицы в гости пожалуют. Ты и ты – осмотреть все. Вдруг что-то съестное осталось.

Они нарубили лопатками елового лапника и притащили охапки в ближайшую к лесочку землянку. Подумав, он все-таки разрешил развести у входа в нее небольшой костерок. Дым ночью не виден, ветра не было, а огонь небольшой. Они отгородили вход плащ-палаткой. Внутри стало гораздо теплее.

– Тащ сержант, смотрите чего нашли!

Те двое, кого он послал осмотреться, вернулись. Один волок какую-то длинную палку в брезентовом чехле. Сержант взял ее в руки.

– Ну нихрена себе! Это как же быстро штабные слиняли, если полковое знамя оставили?

– А еще там имущество всякое свалено, – сказал один из солдат.

– Какое? Жратва есть?

– Мы мешки не развязывали. Но похоже, что там обмундирование.

– Пошли, посмотрим!

Подумав, сержант велел тащить в “их” землянку с десятков ватников. Постелить на пол, спать будет теплее. Сказал всем, чтобы подобрали себе по комплекту нового обмундирования и одели под свою форму, для тепла. Сентябрь выдался холодным, а октябрь обещал быть еще холоднее. Нашлись и плащ-палатки. Солдаты повеселели, прибарахлившись.

Полковое знамя он снял с древка, сложил его поплотнее и повесил на плечи, как шарф. Сверху натянул гимнастерку. Теперь нужно было как-то вынести его к своим. А как? В географии он никогда силен не был.

– Кто местные? – спросил он, вернувшись.

Поднялось две руки.

– Какие дороги здесь есть?

Перебивая друг-друга двое пожилых солдат рассказывали, что хорошая дорога тут одна – на Москву и проходит она мимо Ржева, на восток, через Волоколамск. Там же, рядом, железная дорога, по которой их сюда и привезли. Есть и дороги между деревнями и их довольно много, но сейчас по ним даже на лошади проехать трудно. Распутица.

Значит шоссе... Где железка – он представлял себе хоро-

шо. Идти не далеко, рукой подать. Но там наверняка немцы и они наверняка будут наступать вдоль нее в сторону Ржева.

– А местность здесь какая? Болота?

– Да.

По лесочкам, значит, особо не побегаешь... Да и не та погода, если честно, чтобы в лесу ночевать. И еды нет. Кстати, о еде! Он спросил:

– У кого что есть в вещмешках?

Опять не густо. Две буханки хлеба, кусочек сала, соль, три луковицы, пачка печенья, мешочек с чаем. На пятнадцать мужиков – почти ничего. Чай засыпали в висящий над огнем котелок, а хлеб и сало разделили и разыграли, чтобы никому не было обидно.

– Эх, где-то сейчас наша кухня... – вздохнул Машкин.

Ему никто не ответил. Все хмуρο укладывались спать.

* * *

Утром сержант поднял всех еще до рассвета. Когда солнце перевалило за полдень, они вышли к шоссе и теперь смотрели на него из густого ельника.

– Гля, командир! Наши...

– Вижу.

– С запада идут. Выходит, что там немца нет?

– Выходит, что так.

То, что дорога не была перерезана немцами, было стран-

ным, но она шла на восток, этого было достаточно. Они дождались, когда пройдет стрелковая рота и выбрались из леса.

– В колонну по два! Шагом марш!

Несколько часов они шли ровным, спокойным шагом. С выкладкой иначе нельзя. Поторопишься – запыхаешься и вспотеешь, выдохнешься. Придется делать долгий привал, а сейчас было не до привалов. Сержант разрешил только одну остановку, когда проходили мимо картофельного поля. Все рассыпались по грядам, лопатками выкапывая крупную белую картошку. Набрали в вещмешки, сколько влезло и снова пошли на восток, уже немного повеселев. На дороге не было никого кроме них. С запада доносилась канонада, да в небе иногда гудел самолеты, невидимые за тучами. А потом облака как-то очень быстро растащило восточным ветром и гул моторов превратился в два немецких самолета.

– Воздух!

Солдаты рассыпались. Кто-то залег, кто-то метался по полю. Сержант видел, как двое бежали к лесу и как прямо между ними в небо взлетела земля. Он обхватил голову руками и уткнулся лицом в мерзлую грязь. Было страшно, как никогда в жизни. Сверху трещали авиационные пулеметы и ничего нельзя было сделать, только лежать в канаве и ждать, пока пуля не клюнет в спину, прибив тебя к холодной земле.

Налет казался бесконечным, хотя длился он не больше двух минут. Немцы сбросили одну бомбу, по разу прошли над дорогой, поливая ее из всех стволов и улетели. Сержант

отжался на руках, встал, поглядел на две маленькие воронки на дорожном покрытии, оставленных снарядами малокалиберных пушек и выругался. Вокруг поднимались остальные. Один не мог и тихо матерился, пытаясь зажать ладонями льющуюся из ноги кровь. В стороне рядом с воронкой лежали два тела. Туда можно было не ходить, и так все ясно.

– Подняли его и в лес! Машкин!

Молодой солдат не отзывался. Глядел в небо, открыв рот и моргал глазами.

– Машкин!!!

Тот повернул голову.

– А?

– Говна! Сходи, винтовки у них забери.

– Ага!

– Не “ага!” а “есть!” Деревня...

Раненого подняли вчетвером и утащили на опушку. Перевязочными пакетами конечно же не запаслись и сквозную рану перевязали разорванной на полосы рубахой. Сам идти тот не мог. Для него сделали носилки из двух тонких березок и плащ-палаток.

Небо окончательно расчистилось. Вдалеке то и дело пролетали самолеты. Пришлось дожидаться вечера и только в сумерках они снова вышли на дорогу.

Небо на востоке было ярко освещено пожаром. К этому зареву они и пошли.

* * *

К своим вышли ранним утром.

– Стой! Стрелять буду!

Окрик часового был чем-то одновременно и привычным, и бесконечно странным. Ну будешь стрелять – что дальше? В него и так уже стреляли, и не раз. Он откликнулся:

– Свои, солдат. Вызови старшего.

– Остаться на месте!

Как скажешь... Они опустили носилки на дорогу. Раненый очнулся и тихо застонал. Через полчаса к ним вышел заspanный лейтенант, посмотрел и молча махнул рукой. “Пошли!” Еще через четверть часа они вышли к деревне и направились к крайним домам.

– Кого привел? И зачем?

Старший лейтенант с раскосым, азиатским лицом, смотрел неприветливо.

– Я же сказал: для дезертиров и трусов у меня в батальоне мест нет!

Сказались и многодневная усталость, и обида, и горящий Ржев, мимо которого они шли вчера ночью, и взгляды своих бойцов в спину. Сержанта прорвало.

– Это кто здесь дезертир!? Это я, что-ли, дезертир!? Если я трус, то и расстреляй меня, как труса, только сначала сюда посмотри!

Он снял с плеча винтовку, бросил ее назад, не сомневаясь,

что поймают. Залез рукой под воротник шинели, с трудом вытащил пропотевшее красное полотнище и развернул его.

– Смотри! Вот он, наш полк. Кто и куда дезертировал?

Старший лейтенант помолчал немного, потом сказал:

– Пулеметчика в первую роту, остальных во вторую, раненого на перевязочный пункт. Сержанта... Сержанта – в штаб дивизии, к Панфилову. Дать двух сопровождающих. Заодно мой рапорт отнесут.

* * *

– За такое награждали.

– Сказали: “Будешь поощрен. Не расстрелян”. Кто бы меня тогда представлять стал? Командир полка так и пропал со всем штабом.

– Ну так оно всегда...

Вкусно пахнувший пар поднимался из висящих над костром кастрюль, смешиваясь с мохорочным дымом. Петруха потыкал в мясо острой палочкой и подложил в огонь пару досок.

– Тяжело тогда было.

– Сейчас тоже не сахар.

– Ну сейчас-то попривыкли немного воевать. И припас есть, и вроде даже интенданты воруют меньше.

– Скажешь тоже! Чтобы тыловые крысы, да меньше воровали? Не бывает такого. Но воевать – ты прав. Можем и дру-

гих научить.

Старшина полез в карман, достал зажигалку и прикурил американскую сигарету. Потом пустил пачку по рукам. Задымили все. Один из солдат покрутил в пальцах трофейную зажигалку и чему-то улыбнулся.

– Чего скалишься? – спросил старшина.

– Да так... Вспомнилось...

– Излагай!

Тойфель-машина

Лейтенанту, который со вчерашнего дня остался командовать ротой, было нехорошо. После февральских боев из офицеров остался он один. В январе из училища, ускоренный выпуск и вот теперь, через неполных два месяца – ротный... Карьера! Однако радоваться было нечему. По всему выходило, что лежать ему на этой высоте вместе с теми, кто лег там раньше.

Второй месяц в подкреплениях приходил только рядовой состав. Даже сержантов можно было по пальцам пересчитать. Командир роты погиб два дня назад, во время последней безуспешной атаки на занятую немцами деревню, а замполит еще до того наступил в лесу на мину, когда шел из штаба в расположение. Приказ из штаба дивизии был категоричен: деревню взять! За нею – дорога на Белый, по которой немцы возят туда подкрепления и боеприпасы. Взять ее под контроль – и немецкий укрепрайон останется без снабжения. А из офицеров – он один и как тут быть?

Немцев там конечно тоже не батальон. Пара взводов, от силы. Они после зимних боев тоже людьми не богаты. Но два немецких взвода – это четыре ручных пулемета, которые простреливают нейтральную полосу до самого леса. Немцы сидят в избах, греются и патронов у них море. Пушку бы! Паршивую “сорокопятку”, можно даже старого образца. И

к ней десяток снарядов. Сбить огневые точки, раскатать по бревнышку крайние избы. Но как ее сюда притащить? Дорога-то за деревней, да и нет в полку лишних пушек. Все на танкоопасных направлениях.

Лейтенант снова посмотрел на поле. Кому-то еще тяжелее, чем ему и только тем, кто сейчас лежит там под снегом белыми холмиками, уже все равно. А завтра и ему все равно будет. Напиться бы, так и спирта нет у санинструктора. Предыдущий командир роты все выпил.

– Тащ лейтенант! Тут к вам...

Что там еще? Он не торопясь обернулся. Рядом с его бойцом стоял незнакомый мужик в маскхалате. Знаков различия под белой тканью видно не было. Кого это принесло? Проверяющий какой-то из полка, что-ли?

– Лейтенант Евдокимов, – представился мужик. – Командир пулеметного взвода. Прислали к вам на подмогу.

Голос у Евдокимова был хриплый. Окопный голос, сорванный матерщиной, беготней и морозом. У штабных голоса не такие. Но маскхалат у него был новый, чистенький.

– Усиление? Это конечно хорошо. Но взвода, даже пулеметного, здесь мало. Немцы хорошо укрепились в деревне. Здесь пушку надо.

– Ну ты дал, “пушку”! – Евдокимов покачал головой. – Как ее сюда затащишь по болоту? Мы и сами еле прошли. Ты бы еще танк сюда попросил.

– Летящий?

– Ага. Покажешь, что тут у вас?

– Пойдем...

Они прошли по неглубокому ходу сообщения к переднему краю. Траншея была вырыта между крайних деревьев и замаскирована. Рота здесь сидела уже три недели, времени окопаться хватило. Евдокимов осторожно выглянул в снежную амбразуру. Долго смотрел. Потом сел на земляную приступку, похлопал себя руками по карманам, снял рукавицу и полез под маскхалат.

– Куришь?

– Если есть, что.

– Есть.

Он вытащил пачку папирос, вытащил одну себе и отдал пачку ротному.

– Огонек есть? Спички промочил.

– Сейчас.

Лейтенант полез в карман ватника и вынул оттуда небольшой мешочек. Из мешочка на свет появились кусок напильника, угловатый кремь и трут.

– Не зажжешь на морозе, – скептически покачал головой командир пулеметчиков.

– На что спорим?

– На то, что деревню возьмем.

– В минус двадцать конечно не зажег бы. А сейчас – ничего сложного.

Обломок напильника ударил по кремню. Раз, другой, тре-

тий. Трут тихонько затлел. Лейтенант осторожно подул на него и тот разгорелся.

– Пожалста!

– Силен...

Они прикурили и огниво спряталось обратно в мешок.

– В общем смотри... – Евдокимов затянулся и пустил в воздух колечко дыма. – Тебя как звать-то?

– Иван.

– А я Андрей. Смотри, Ваня. Пушек у меня нет, а три ручника, которые есть, здесь помогут слабо. Но есть еще кое-что. У тебя людей сколько?

– Утром было семьдесят два.

– И у меня двадцать. Я с собой притащил сотню белых маскировочных халатов для вас. Как раз хватит на всех. Еле выбил у снабженцев. Погоди, не перебивай. Сам знаю, что в чистом поле все равно увидят. Есть еще кое-что. Пошли кого-нибудь за моими бойцами. Они сейчас рядом с вашим секретом расположились. Пусть сюда топают. В траншее полюбому лучше сидеть, чем на снегу.

* * *

– Что это?

Он удивленно разглядывал странные винтовки. Очень длинные, с толстыми стволами и большой блямбой на конце ствола.

– Снайперские, что-ли?

– Не видел никогда?

Евдокимов улыбался.

– Нет.

– Я тоже не так давно с ними познакомился. Это, Ваня, противотанковые ружья. Лупят так, что просто загляденье. Бронетранспортер немецкий пробивает навывлет, если удачно попасть, а уж эти избушки... Смотри, какой патрон!

Лейтенант покрутил в руках толстую латунную гильзу с тяжелой пулей, в палец толщиной.

– Здоровая... А танк пробьет?

– По танкам не пробовал пока. В лобешник конечно вряд-ли, но в борт теоретически должна продырявить. Как думаешь, минометы у них там в деревне есть?

– Конечно есть. Немец без минометов – так не бывает.

– Вот на этот случай – маскхалаты. У них передний край леса пристрелян, я видел воронки, но в белом вас сразу не заметят. Когда спохватятся, вы из зоны обстрела минометов уже выйдете и пока они стволы поднимут, сколько-то времени у вас будет.

– Значит мне идти...

– Смотри сам. Ты с этими машинами обращаться не умеешь. Тут мои расчеты будут работать, да и пулеметами распорядиться – тоже своя сноровка нужна. Но десяток своих бойцов я тебе дам.

– Я не говорил, что я против.

– Тогда откладывать нечего. Собирай людей. Трех часов на подготовку хватит? Как раз стемнеет. Их пулеметы мы подавим, как огонь откроют, ну а там уж сами не зевайте и на поле не задерживайтесь

* * *

Все вышло так, как и предполагал Евдокимов. В новеньких маскхалатах его солдаты, подбадриваемые лейтенантским матом, успели проползти метров сто, прежде чем в воздух взлетела ракета и со стороны деревни раздался одиночный винтовочный выстрел.

– Вперед! – заорал лейтенант. – Вперед, мать вашу! Кто последним лежать останется – пристрелю нахрен! А ну, за Родину!!!

И выстрелил из “нагана” над головами. Лежавший на снегу солдат сначала пригнул голову от свистнувшей пули, потом вскочил и побежал, пригнувшись, меся снег валенками и держа винтовку с примкнутым штыком наперевес. Следом поднялась вся цепь. Кто-то даже крикнул: “Ура!”

Здесь, на южном склоне, укрытом со всех сторон перелесками, снега было не так уж и много. Чуть выше колена. Пора февральских снегопадов еще не пришла. Однако передвигаться, высоко задирая ноги в валенках, было гораздо тяжелее, чем ползти по плотному насту. Он успел пробежать метров двадцать, когда в деревне хлопнуло и за спиной с про-

тивным визгом упала и взорвалась первая мина.

“Перелет...” – думал он, – “Минометы у них наверняка в каком-нибудь дворе стоят. Обслуга выскочила из избы и сразу мину в ствол. А сейчас пулеметы...”

В пробитой в стене избы амбразуре заплясал яркий огонек и МГ вспорол очередью воздух над головами бегущих солдат. Вторая очередь пришлась бы по людям, но ответ сзади звонко ударил залп противотанковых ружей и пулеметные очереди “дегтярей”. Его бойцы ободрились и бежали в гору, обгоняя командира. Мины рвались сзади одна за другой, ПТРС лупили по избам, пробивая бревна навывлет. Немцы так и не догадались изменить прицел и рота с диким ревом, уже не обращая внимания на одиночные выстрелы немецких винтовок, ворвалась в деревню.

* * *

В себя лейтенант пришел от едкого химического запаха. Открыл глаза, проморгался. Первое, что понял – он в теплом помещении. Сразу захотелось снова отключиться, но этого ему не позволили. Подняли за плечи, еще раз сунули под нос вату с нашатырем, встряхнули и бросили на скамью. Он поднял голову. Перед ним стоял немец. Не просто немец, а офицер. Стоял, заложив за ремень большие пальцы рук и смотрел зло.

Вот это попал! А атаку что, немцы отбили? Или это па-

мять контузией отшибло? Он помнил, как с наганом в руке влетел в избу, выстрелил в метнувшуюся фигуру в серой шинели, не попал и тут в окошко влетела граната. Наша, РГД-33. Увидев ее, он отскочил в простенок... и все на этом. Оглушило, значит... Попал в плен... Хреново.

– Durchsuchen! (1)

Его обшарили двое немцев, стоявших по бокам. На столе оказались военник, несколько писем из дома, портсигар с махоркой, платок... Грязный платок, кстати. Вон как фриц морщится. Не нравятся ему засохшие русские сопли... Так я тебя и не просил по моим карманам лазать.

– Лей-те-нант! – по слогам прочитал немец.

Полистал книжечку, хмыкнул. Стоявший справа солдат сказал:

– Er hatte zuerst angegriffen, Herr Oberleutnant. Befehligte.

(2)

– Es ist klar, – отозвался офицер. – Was ist das? Granate? (3)

Он ткнул пальцем в лежавший на столе кожаный мешочек. Солдат развязал тесемку и недоуменно уставился на “детали” огнива.

– Ich kann es nicht wissen. (4)

– Heu, du! – немец повернулся к пленному. – Was ist das?

(5)

Тот молчал, хотя вопрос понял. На это его школьного немецкого хватило.

– Versteht nicht, Herr Sie. (6)

– Rufen Sie Hans. Lebt er? (7)

– Er war ein Maschinengewehr, Herr Sie. Große Kugel in den Kopf. (8)

– Also sind wir ohne Übersetzer geblieben. Ты, Ванька! – немец смешно исковеркал его имя. – Что это? (9)

– Огниво.

– Что? Зачем?

– Прикуривать. Огонь. Фойер.

– Как? Бери!

Лейтенант взял кремень и напильник, пристроил в пальцах трут, привычно высек искру. В тепле обожженная вата занялась мгновенно. Потянуло горелым. Немец смотрел на эти манипуляции, широко раскрыв глаза. Когда трут задымился, он перевел взгляд на своих солдат и вдруг расхохотался.

– Haben Sie gesehen? – спросил он сквозь смех. – “Ognifvo!” (10)

Те тоже оскалились.

– Das ist ein teuflische Wagen. (11)

– Wer hätte gedacht, dass es möglich wäre, Feuer zu bekommen? Einfallsreich Wilden... (12)

Отсмеявшись, офицер забрал огниво, сложил все в мешочек и сунул тот в планшет.

– Ich gebe Colonel. Es ist ein würdiges Museum. Aber zuerst müssen wir das Dorf zurückbringen. Das ist Ihr Kommandant. Ohne ihn werden die Russen nicht kämpfen. Du! – он ткнул

пальцем в солдата. – Sag allen: wir bereiten uns auf den Angriff vor. Und du bringst den Russen in die Scheune. (13)

Он снял с гвоздя автомат и вышел следом за солдатом, все еще улыбаясь.

– Aufstehen! (14)

Второй солдат ткнул лейтенанта под бок “парабеллумом”, поднял, вытолкал в двери. Провел его через двор, втолкнул в маленький сарайчик и запер за ним дверь на замок.

– Bleib hier. (15)

В сарае было холодно. На промерзшем полу лежала охапка соломы. На нее лейтенант и сел, когда обошел сарай, осмотрел стены и понял, что сколочен он крепко и без шума не выбраться. Внезапно за стеной грохнуло и прогнувшиеся внутрь толстые доски больно саданули его по позвоночнику. Лейтенант вскочил. Еще один взрыв ударил чуть дальше. Потом мины стали рваться почти без промежутков. Сквозь взрывы пробились уже ставшие знакомыми резкие хлопки противотанковых ружей. За стеной что-то орали немцы, потом крики смолкли.

(1) – Обыскать!

(2) – Он бежал первым, господин оберлейтенант. Командовал.

(3) – Понятно. А это что?

(4) – Не могу знать.

(5) – Эй, ты! Что это?

(6) – Не понимает.

(7) – Вызвать Ганса. Он жив?

(8) – Он был у пулемета, герр оберлейтенант. Крупнокалиберная пуля, в голову.

(9) – Значит мы остались без переводчика.

(10) – Вы видели?

(11) – Настоящая чертова машина!

(12) – Кто бы мог подумать, что так можно добыть огонь?

Изобретательные дикари...

(13) – Отдам полковнику. Это достойно музея. Но сначала нужно вернуть деревню. Это их командир. Без него русские драться не будут. Ты! Передай всем: готовимся к атаке. А ты сунь русского в сарай.

(14) – Встать!

(15) – Сиди тут.

* * *

– Что тебе сказать, Ваня?.. Плохо твое дело. Даже если я в донесении все это похерю, то солдатикам рты не заткнешь. Командир в плену побывал! Всем расскажут. Дойдет и до особистов, это уж писать не ходи. Им потерю документов не объяснишь.

– Пиши честно, как есть. Чего из-за меня свою-то задницу подставлять? Может, и пронесет.

– Тебя уже пронесло... Как же ты так?

Они сидели в теплой избе, у теплой, протопленной немцами печи. Рота и пулеметчики спешно переоборудовали немецкую траншею. Старались закопаться поглубже, пока немцы не опомнились. В том, что контратака будет и не одна, никто не сомневался. Но с трофейными пулеметами, да со своими в придачу, да еще и с двумя минометами, к которым имелось не меньше сотни мин, они отобьются. Слава Богу, не сорок первый год. Немец осторожнее стал, без танков не полезет, а танки вверх по крутому западному склону не пройдут. Слева болото, справа тоже болото. Добро пожаловать в лоб, как мы три дня назад.

– ...я по звукам боя понял, что твои застопорились. Значит никто не подгоняет. Значит Ваня или ранен, или... Взял два расчета, своих бронебойщиков и побежал сюда. Принял командование. Выбили немцев к дороге. Смотрю: минометы стоят. Мы их развернули и вжарили. Это ведь простая машинка. Мину в ствол, да уши закрыть не забывай.

– Они как раз контратаковать собирались. Вовремя ты... – он поднялся. – Голова еще кружится после гранаты той. Пойду, проверю, как там мои окапываются.

– Давай! – Евдокимов кивнул. – Я пока донесение в штаб напишу.

* * *

– Ну и что дальше было?

– Ничего. С роты сняли, звания тоже лишили, сказали: “Искупай вину!” и отправили обратно в свой же полк. Так до сих пор и искупаю. К сержанту три раза представляли – не прокатывало. Судимый.

– Легко отделался. Тогда с пленными крутенько поступали.

– Согласен... А огниво пропало.

– Тойфель-машинен?

– Да. Обера того так и не нашли. Сбежал, падла. Может, сейчас оно и правда в каком-нибудь немецком музее? Вот так подумать: не провозись я с ним тогда, начни немцы контратаку на десять минут раньше – что было бы? Их ведь Евдокимов прямо перед броском минами накрыл и их гораздо больше было, чем я предполагал. Повезло. Он, кстати, сейчас тут, неподалеку. Разведкой командует у соседей.

– Как там наша дичь? Живот подвело.

– Варится, потерпи.

– Терплю, что остается? До старшины не докричишься.

Совсем тыловики растащились!

К ним подошел вылезший из танка заряжающий, принялся к вкусно пахнущему пару и сказал:

– Вот ты интендантов ругаешь, а зря...

Возчик, который умел говорить по-немецки

“Ругают, ругают... Медленно едешь, мол, поздно приезжаешь... Если бы не приехал вовсе – лучше бы было? Как лошадка тянет – так и едем. У нас грузовиков нету. Пока термосы с кухни притаишь, пока боеприпас выдадут – сколько времени уйдет? Я в полку не один. Каждому надо груз принять, да погрузиться. Ящик с гранатами сколько весит? А если снаряды возишь – тогда вообще! Погрузи, отвези, на батарее разгрузи... И хрена лысого кто поможет. А мне не двадцать лет, мне давно уже за полста... Ящик со снарядами пробовали поднять? И за лошадью следить приходится постоянно. Отойди хоть ненадолго, а она уже лежит и пехтура грустно разводит руками. Пуля, говорят, шальная прилетела. Шальная, как же! Потом с картошкой конину варят, или там с овсянкой. Ругаются еще... Хорошо, хоть грязи нет...”

Мысли возчика тянулись неспешно, как и его лошадка. Телега поскрипывала, колеса вертелись в колеях. Все было, как обычно. Дорога была сухая, март 1945 года в Венгрии выдался сухим и теплым. Дороги уже подсохли, а комарья и мошкары еще не было. Курорт, да и только! Сзади, в телеге, постукивали друг о друга термосы с обедом для стрел-

ковой роты и приданной ей артиллерийской батарее. Война войной, а обед по расписанию.

Зампотыл сегодня без дела нашумел на ездового, пока тот был на складе. Кричал, грозил в стрелковую роту отправить. Непонятно было, что там у него случилось. Вроде мешок сахара пропал...

“Я то при чем? Да отправляй, жалко что-ли!? Сам возить будешь все на передовую, если конечно телега под твоим жирным сранделем не развалится. Думаешь, напугал? Бабушку свою этим пугай, а я и с винтовочкой побегать не испугаюсь... Что-то фронт затих уже второй день. Не стреляют, артиллерия тоже молчит. Не к добру... Под Курском так же было в прошлом году. Хотя нет, погоди, в позапрошлом же! Вот она, война! Ездишь, ездишь, а за два года вспомнить нечего и вроде как меньше времени прошло. Также артиллерия молчала, а потом как началось!.. Сколько же я тогда раненых-то перевозил – вспомнить страшно!”

Ехать было не так уж и далеко. Километров восемь, не больше. Он выгрузил продукты. Солдаты растащили патронные цинки. Раненых не было – и то хорошо. Но когда он начал разворачивать телегу, раздался хруст и передняя ось, давно уже державшаяся на честном слове, развалилась. Лошадь протащила отпавший передок несколько шагов и обер-

нулась с недоуменным видом. Смотревшие на это солдаты засмеялись. Ездовой от души выругался, достал из телеги топор и пошел в близлежащий лесочек за материалом для ремонта.

К ночи он все-же сумел поправить телегу. Ехать в расположение было поздно. Уже стемнело. Отведя лошадь в лес, на молодую травку и стреножив ее, ездовой ушел в землянку к пехотинцам. Его угостили горячим чаем (трофейный, ему он не понравился) и выделили местечко на нарах.

* * *

Утром он какое-то время не мог понять, что происходит. Пехотинцы, матерясь, хватали оружие и выскакивали из землянки. Вокруг гремело, с наката сыпался сухой песок. Высоту обстреливала немецкая артиллерия.

Надев сапоги, он тоже выбежал наружу. Осмотрелся. Починенная телега была цела.

– Эй, ты!

Возчик обернулся. К нему обращался молодой лейтенант.

– Чего встал!?

– Так я...

– У нас раненые! Грузи их и вези в тыл. Немцы что-то затеяли.

– Есть! Я только за лошадью сбегаяю.

– Давай!

Он кивнул и побежал по склону вниз, к лесу. Когда вернулся, таща за повод испуганную лошадь, в телеге уже сидели трое солдат. Еще двое лежали. Обстрел прекратился, но с той стороны фронта продолжали бить орудия. Снаряды с во-ем пролетали высоко над ними куда-то в тыл. Один из раненых, припадая на ногу, помог ему запрячь лошадь и они покатались вниз по склону. Обернувшись к езде, послышался сзади глухой рев моторов и он подумал, что сглазил вчера. Все было, как тогда, неподалеку от Орла, два года назад.

На подъеме он соскочил с телеги, чтобы облегчить ее и повел лошадь в поводу. Это их и спасло. Когда они уже выезжали из рощи, в которой он вчера вырубил жерди, заметил из-за кустов бронетранспортеры с крестами на боках. Из машин выпрыгивали фашисты и разворачивались цепью.

Он махнул рукой перед мордой лошади. Та фыркнула и сдала задом. Развернувшись, телега заехала в кусты.

– Что там? – спросил один из раненых.

– Немцы, – ответил ездокой. – Обошли.

– Вот гады! У нас и автоматов-то нет, в роте оставили.

Давай твой карабин!

– Сдурел!? Впятером с полком СС воевать собрался?

– Ну а что, ждать, пока нас покоцают тут?

– Сиди тихо. Может, и обойдется...

– Дед дело говорит, – поддержал его один из лежачих. –

Сиди. Если они сюда, в лес, не полезли, то и не ползут. Мо-

жет, и пронесет.

– Меня – уже, – криво усмехнулся тот, что просил его винтовку.

Именно криво. Один глаз у него прятался под бинтом.

– Не ссы раньше времени. Знаешь, почему они в лес не полезут?

– Ну и почему?

– Потому, что он заминирован. Немцы об этом знают, они мины и ставили. На опушке мы с саперами все сняли, а в глубине не стали заморачиваться. Не пойдут они вглубь, так что сидим тихо. И вокруг шастать тоже не надо. Понял ли ты, родное сердце?

– Чего тут не понять? Сидим, значит. Сидеть – дело привычное.

Лежавший усмехнулся и сказал ездovому:

– Он у нас недавно из штрафбата. Вроде как искупивший кровью. Нахвтался там у урков.

– Тебе завидно!? Да там и не было урков, одни фронтовики.

Однако он понемногу успокоился, достал кiset, скрутил самокрутку. Немецкая артиллерия между тем снизила темп стрельбы. С востока тоже гремело. Там шел бой. За роцей ревели танковые двигатели.

– Дед, там танки были?

– Были.

– Сколько?

– Не разглядел я. Бронетранспортеров может быть с деся-

ток. Танков... Вроде тоже примерно столько же. Колонна на поле.

– Черт... Хреново! Это они во время артподготовки нас обошли. Не стали время тратить и роту танками утюжить. Опять же: внезапность. Теперь попрут, не остановишь. Какие танки – ты конечно не разглядел?

– Не разбираюсь я в них.

– Тебе-то что? – спросил его еще один из раненых.

– А то, что если там “тигры”, то к своим выбираться мы будем долго. “Тигра” остановить сложно, это я тебе как наводчик говорю.

– И что тогда делать?

– Сейчас – ничего. Ложись, да спи. А я послушаю, где будут пушки бить. Дед, а почему ты решил, что там эсэсовцы были?

– А у них эмблемы были на башнях. На лошадь похоже. Я слышал, что если кроме креста еще что-то нарисовано, то это и есть эсэсовцы.

– Не обязательно. Но тут ты угадал. Они и есть. Эти в плен брать не станут. Имели мы с ними дело. Да вот он хотя бы и имел.

Он кивнул на кривого. Тот сплюнул в сторону.

– Имел я их!..

– А что было? Расскажи, все равно сидим.

– Ничего хорошего. Под Сталинградом я в танковом полку служил и попали нам один раз в плен два молодых засран-

ца. Тоже эсэсовцы. Мне их поручили в штаб полка отвести. Ну сказано – значит делаем. Идем по дороге, а рядом с ней наш танк горелый стоит, “тридцатьчетверка”. Эти идут мимо и скалятся. Такое меня зло взяло! Думаю: “Вы, суки, наших сожгли, а теперь радуетесь?” Ну и полоснул из ППШ им по ногам. В штабе доложил, что при попытке к бегству, но оказалось, что кто-то это все видел и молчать не стал. Меня под трибунал и в штрафную роту на три месяца.

– Правильно сделал...

– Верись, нет – ни грамма не жалею.

* * *

День прошел. На востоке непрерывно грохотал бой. По его звукам понятно было, что немцы продвигаются вперед. За лесом то и дело слышался шум моторов, а вечером по небу разлилось зарево пожара. Бой понемногу стихал. Уже перед самым наступлением темноты рядом с рощей разорвалось несколько тяжелых снарядов.

– Ну что, дед? – спросил наводчик, посмотрев на возчика. – Разведаеть, что там и как на дороге?

Тот хмуро поднял с телеги карабин и пошел по тележной колее к опушке. Долго смотрел из-за кустов на дорогу и испятнанное свежими воронками поле. Дорога была пуста. На обочине лежал на боку перевернутый взрывом грузовик, рядом с которым валялись три трупа в серых мундирах. По-

следний снаряд явно не пропал зря.

Вернувшись, он рассказал об увиденном. Раненые хмурились. Ясно было, что немцы дорогу без контроля не оставят и что с утра, а то и нынче же ночью по ней снова пойдет техника. Можно было вернуться через лес в роту, но там в окружении тоже никто перевязкой заниматься не станет, даже если немцы не будут завтра атаковать ее позицию, во что никто не верил. Это та же самая смерть, только с отсрочкой. Оставалось только ехать по полю, держась к юго-востоку, откуда звуков боя слышно не было и надеясь на выносливость лошадки орловской породы. На этом они и сошлись. Ездовой повел телегу к выходу из леса.

У дороги его окликнули сзади.

– Дед, постой! Слышишь? Останови!

Он остановился. Лошадь тоже встала, низко наклонив голову и нюхая трупы немцев.

– Чего еще?

Один из раненых спрыгнул с телеги и, стараясь беречь перевязанную руку, подошел к опрокинутому грузовику.

– С виду-то он вроде целый. Даже гусеницы не слетели.

– Думаешь, заведется?

– Не знаю... Попробовать можно, машина надежная. Танкист, что скажешь?

Тот пожал плечами, глядя на машину одним глазом.

– У нас был такой же, трофейный. Под Харьковом достался. Завести – ничего сложного нет. Зато если поедет, то и по

полю пройдет. Он же полугусеничный.

– Ну и как его перевернуть? Нас тут три с половиной инвалида.

– А лошадкой! Дед, выпрягай ее. Вон у них трос буксировочный на крюках, им и зацепим.

Трос натянулся, люди уперлись в кабину и в задний борт “Бюссинга” и тот, тяжело качнувшись, встал на гусеницы. Раненый с помощью возчика выволок из кабины убитого водителя и уселся на его место.

– Лишь бы электролит не вылился из батареи...

Стартер зажужжал и этот звук сменился глухим рыком мощного двигателя.

– Нормалёк! Давайте тяжелых в кузов.

– Только меня, – подал голос наводчик. – Этот уже полчас, как не дышит. Так и не очнулся. Помогите переползти.

Они разместились в кузове. Возчик, поколебавшись, все-таки снял с одного из немцев китель и подобрал с земли чужую каску. Лошадь привязали сбоку. Поехали. Вел кривой танкист.

Китель он одел сверху, на ватник. Мертвый немец был широк в плечах, вполне налезло. Каску кое-как пристроил на голову и перелез в кабину. Водитель покосился, хмыкнул, но остеречь не стал. Рана беспокоила его все больше, болела и дергала. Было не до шуток.

Проехали поле, потом обогнули лес, снова выехали на поле, на котором черными громадами, почти не различимыми

в багровом свете, идущем с неба, стояли подбитые танки. От них несло гарью и паленым мясом.

– Чьи это? – спросил возчик, чтобы не молчать.

– Немцы, – отозвался водитель. – Видимо их тут подловили. Наши пушкари в засаде сидели и дали прикурить по бортам. Засаду немцы конечно размазали потом. А может, и нет.

Поле кончилось. Следы танковых гусениц слились в одну колею. На нее же свернула и их машина.

– Здесь, похоже, проход в минном поле они сделали, – пояснил танкист тихо. – Значит и нам здесь ехать. Лишь бы прямо в корму “тигру” не уткнуться. А, черт! Накликал.

Впереди мигнул свет. Ручной фонарик. Машина приняла вправо, объезжая его и тут прозвучало короткое:

– Halt! (1)

– Сиди, не отвечай ничего. Понял? – прошептал возчик и, не дожидаясь согласия, высунулся из кабины, задев каской верх двери.

– Hier Verwundets. (2)

Луч фонарика скользнул по капоту “Бюссинга” и сквозь стекло уперся в лицо сидевшему за рулем танкиста. Тот зажмурился. Бинты на голове были видны превосходно. Немец спросил:

– Wer sind Sie? (3)

– Das fünfte Bataillon. Feldwebel Speer. Kein verwandter. (4)

В темноте рассмеялись.

– Bring Sie weiter, Speer. Es gibt einen Verband, du wirst Sie entladen. (5)

– Ich würde die Russen nicht treffen. In welcher Seite sind Sie? (6)

– Drehen Sie nicht aus der Straße und schalten Sie die Scheinwerfer. Sie sind nach Süden zurückgezogen. Morgen früh angreifen. (7)

– Es ist klar. (8)

Ездовой захлопнул дверь и кивнул водителю: “Поехали”. Тот нажал на педаль. Грузовик тронулся, проезжая по обочине мимо стоящих на дороге немецких танков. Когда те кончились, он сказал:

– Ловко ты отбрехался. Хорошо по-ихнему шпрехаешь.

– Я же учителем до войны работал. Немецкого языка. Попал под оккупацию, а как наши вернулись – призвали. Вот и служу.

– Что ты ему сказал?

– Правду. Что раненых везу. Он сказал, что наши справа от дороги. Сейчас отъедем и я на лошади туда поскачу.

– Зачем?

– По машине палить начнут сдуру. Предупредить нужно. Ты, если кто из фрицев подойдет, говори: “Цум тойфель!” Запомнил? И за башку держись, вроде как страдаешь.

– Цум тойфель.

– Ja, ja...

(1) – Стой!

(2) – Здесь раненые.

(3) – Кто вы?

(4) – Пятый батальон. Фельдфебель Шпеер. Не родственник.

(5) – Вези их дальше, Шпеер. Там перевязочный пункт, выгрузишь их.

(6) – Не встретить бы русских. В какой они стороне?

(7) – Не сворачивай с дороги и не включай фары. Они отступили на юг. Завтра с утра атакуем их.

(8) – Понятно.

* * *

– Дед уехал на кобыле своей, а я остался. Сидел, время от времени спички зажигал. Мы с ним договорились, что это сигналом будет. Через час ко мне двое наших разведчиков вышло. Добрался дед на своей лошадке, значит. Я завел машину и доехал до самых окопов. Потом в тыл, в санбат. Подштопали.

– Вишь как оно... И учитель пригодился.

– А ведь с виду – натуральный чмошник был. Пилотка на ушах и сопля из носа, но не будь его – я бы здесь не сидел. И как его звали – не спросил, вот что обидно.

Танкист потер длинный шрам у виска.

– Да я же ничего не говорю. Но ведь воруют.

– Воруют-то не ездвые. Старшина, который с кухни супешник привозит, много не соплет. Даже если он сало одно трескать будет, то не в три же глотки. Воруют те, что с большими звездами.

– Если открыть амбар с честностью, то вот эти цыплята – тоже не сами в танк запрыгнули.

– Сравнил! Одно дело – у своих, другое – вот как сейчас. Но можешь не есть если такой честный.

– А чего сразу “честный”? Я это к тому, что святых здесь нет.

– Святых нигде нет...

Солдат достал из ножен на поясе финский нож и потыкал им варящуюся курицу. Потом ловко крутнул его в пальцах...

В поиске

Разведка – дело не для дураков. Разведчика среди окопной пехоты видно сразу. Даже по взгляду видно. Если кто в разведке долго служил, то взгляд становится... ну такой! Резкий. Зыркнет он на тебя, как будто прикинул, как сейчас языка брать будет и сразу понятно: разведка.

Ничего удивительного в этом нет. Окопник тоже под смертью каждый день ходит, но дело в том, что с той стороны фронта – такой же бывший крестьянин сидит. Нахрен ему война сдалась? Ему конечно фюрер ихний надел земли в России пообещал, но это еще когда будет и будет ли вообще? Тянет он лямку, но особо не старается. Ночью положено стрельнуть – он стрельнет. Но прицелится из пулемета так, что трассирующие пули пройдут высоко над русским окопом. Оттуда ответит “дегтярев”. Немец смотрит и видит, что русские пули тоже высоко идут. Значит договорились. Так и пойдет дальше. А потом и мины начинают за передний край лететь, в сторону тыла, радовать зажиревших штабных. Это дело любой окопник только поприветствует.

А командиры рот в обе стороны докладывают, что идет перестрелка. Все при деле, все героизм проявляют, а потерь нет. Так можно жить.

Другое дело – разведка, особенно полковая. Ротному “язык” не особо нужен. Кто его допрашивать будет, скажи-

те на милость? Где в роте переводчика взять? Там на всех три слова по-немецки знают: “шнапс” и “хенде хох”. Пленный нужнее командиру полка. Работа же ротных разведчиков – наблюдение. Из полковой разведроты придут – для них вся картина переднего края подготовлена должна быть. Но и полковые тоже будут долго сидеть на ротном наблюдательном пункте, смотреть и о чем-то шушукаться между собой. Потом подтянутся еще два-три человека. У немцев за пленным обычно ходит минимум взвод. Навалются, постреляют, выдернут кого-нибудь из окопа и делают ноги. У нас не так. Наши, в отличие от немцев, в поиск ходят втроем-вчетвером и еще несколько человек в прикрытии.. Очень редко, когда больше.

Вот и прикидывай: ввалились втроем в немецкий окоп, в котором должна быть от силы пара наблюдателей, а там сидит все отделение. И кто тогда пленным станет? Еще повезет, если жив останешься. Разведчиков не слишком охотно в плен берут. Не такое, конечно, отношение, как к снайперам и танкистам, но все равно. Поэтому в среднем потери в разведроте гораздо больше, чем в стрелковых подразделениях. Поэтому и взгляды такие у разведчиков.

* * *

Дождь моросил второй день, с редкими перерывами. Не лил, не шел, а именно моросил. С грязно-серого неба сыпа-

лось холодное водяное пшено в час по чайной ложке. Земля здесь была глинистой, воду не впитывала и окопы заливало. На дне полнопрофильных траншей и так частенько вода стоит, но сейчас в некоторых местах она было аж по колено и в блиндаже тоже стояли лужи. Можно было бы прорыть для воды канаву, чтобы стекала в сторону, но братьям-славянам явно было лень это делать.

Старший сержант, уже два часа глядевший в стереотрубу, выпрямился и провел рукой по уставшим глазам. Оглянулся на своего напарника. Тот дремал, прислонившись к стене блиндажа, набранной из жердей.

– Сёмка!

Тот приоткрыл один глаз.

– У?

– Смотрю я на тебя и думаю...

– О чем?

– О том, что с таким защитником наши девушки могут спать спокойно.

– Не напоминай про баб. Ты то сам чего решил?

– Не пойдет.

– Но языка братъ надо.

– Надо. Только не так, как ты хотел. Ты хотел пролезть под колючкой. Не получится. Это ловушка, у фрицев там мины. Минимум одну я разглядел, можешь и ты глянуть. Она под кочкой, рядом с покосившимся столбиком. Они специально так ее натянули, чтобы мы захотели именно там пролезть.

– Да ладно...

– Нет, ты посмотри, посмотри!

Сержант показал пальцем на стереотрубу. Семён подошел, прильнул к объективу.

– Покосившийся столбик... Ну да. С их стороны не видно, а с нашей песок осыпался и бок торчит.

– Великое дело – оптика! А ты не хотел прибор с собой брать... Теперь пункт второй! Место перед окопом у немцев пристреляно. Пулеметное гнездо ротные раздолбаи не засекли и ты его тоже прощелкал. Оно выше по склону и травкой замаскировано, но если к кустикам на нейтралке присмотреться, то видно, где пули прошли. Вот так, Сёма! Если бы мы туда полезли так, как ты предлагал, то... Фамилия у тебя, как у великого русского флотоводца, а ты ее позоришь.

Семёну было стыдно. Он снова поглядел в объектив, но ничего нового конечно не разглядел.

– Учишь вас, учишь... – сержант присел на пустой снарядный ящик, похлопал себя по карманам и достал пачку трофейных сигарет. – ... а вы все такие же дятлы. Сколько раз вам говорить: немец вас не глупее, а бывает, что и гораздо умнее. Не зря дивизия языка второй месяц взять не может.. Ну вы хоть что-то всасываете, а вот ротный новый...

– Что ротный? Нормальный мужик.

– Мужик-то он нормальный, но дурак. Воюет давно, а с разведкой дела почти не имел. И слушать, что ему говорят, тоже не хочет.

Молодой разведчик тоже вытянул из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой.

– Ты так говоришь, будто у тебя план есть.

– Хммм... План... Что эти фрицы в табак суют? Опилки, что-ли? План конечно имеется. Вот только что из него получится – черт знает. Раньше на той высотке наши сидели и сидели довольно долго. Потом немцы их скинули, но дальше не прошли, выдохлись. Вон там танк стоит горелый, ихняя “тройка” – как раз с того времени...

– Ну и что?

– Ничего. Я тебе намек дал. Становись к оптике и подумай, что из этого следует.

Минут через пятнадцать Семён обернулся.

– Петрович, я врубился.

– Излагай.

– Танк на ходе сообщения стоит. Его наши копали, от высоты к оврагу в тылу.

– Так... Что дальше?

– Если прикинуть, как на восточном склоне траншеи располагались, то они должны просматриваться. Но их не видеть, значит хорошо замаскированы. А раз они замаскированы, значит фрицы ими пользуются.

– Верно. Те, кого наша дивизия на переднем крае сменила, наверняка это учитывали, но уходя, никому ничего не сказали. Такое дорого обходится. Прикажут брать высоту, наши пойдут, а по ним из тех окопов врежут из пулеметов. При-

чем там наверняка и землянки остались. Фрицам есть, где укрыться. Это, кстати, опять был намек.

– Надо в тех землянках пошарить.

– Часового из окопа утащить ума много не надо. Но что тот часовой знает? Да ни хрена почти. Зато если удастся разводящего подловить, или того лучше: офицера – за такое награждают. А офицеры там наверняка бывают. У немцев порядок, орднунг. Раз в сутки ротный лично караулы проверить обязан, а раз обязан – проверит. Давай еще немного посмотрим, а вечером – обратно в распоряжение. Ротному это все изложим.

* * *

Насчет замаскированной траншеи Петрович не ошибся. Они чуть было не свалились в нее, когда подползли. Немцы перекрыли ее ветками и дерном так, что от русских окопов ее было не разглядеть. Из нее никогда не стреляли, но жизнь в ней прямо таки бурлила. Разведчики, которые залегли в мертвой зоне, шагах в двадцати от расположенного рядом с нею наблюдательного пункта немцев, отчетливо слышали чужую речь и звяканье оружия.

Лежали молча, ждали темноты. Дождь понемногу пробирался под ватники и снизу, и сверху. Повезло еще, что укрытие подходящее нашлось. Скрывавшие их кусты немцы не тронули, видимо все для той же маскировки, но холод и сы-

рость это не отменяло, а курить Семёну хотелось просто адски. Если бы сержант не заставил выложить сигареты перед поиском, то рискнул бы по-любому. Но курева не было. Оставалось только терпеть.

Спать тоже было нельзя. Вскрапнешь ненароком – фрицы всполошатся, а он знал, что храпит. Так что это даже хорошо, что холодно. Петрович как будто прочитал его мысли и погрозил кулаком. На шорох обернулся третий разведчик группы, ефрейтор Макаров. Посмотрел и снова стал глядеть на нейтралку. Здоровенный кабан, который мог пленного на плечах притащить без всякой помощи.

Семён сунул в рот соломинку от скуки и прислушался. Знать бы немецкий – сейчас было бы не так скучно, но... Вот где пожалеешь, что в школе был лоботрясом! Всего-то надо подползти к переднему краю – и сразу пожалеешь. Как та школа сейчас в Одессе? Может, там госпиталь немецкий, а может, вообще взорвали ее немцы? Раньше ненавидел учиться, а теперь вот пожалел об этом.

Серая пелена с неба до земли... Самая лучшая погода для разведчика. Вроде бы темнеть начинает? Да, точно!

* * *

Темнело быстро. Семён вытащил из под себя нагревшийся ППС и вопросительно поглядел на сержанта. Тот не обратил внимания на его взгляд. Смотрел сержант в сторону

немцев, а оттуда доносился довольно громкий разговор. Кто-то кого-то распекал, а этот второй оправдывался.

Ушакова как током ударило. Офицер! Как там сержант говорил? Раз в день – обход. Поймал, видимо, спящего и теперь ругается.

– Петрович... – тихо прошептал он.

Тот оглянулся.

– Там их двое. Не потащит же он с собой половину роты посты проверять. Смелого пуля боится.

– А если?.. Была, не была! Не ждут они, сейчас вечер. Макарик, готовь нож.

Амбал повернулся на бок, подтянул правую ногу и вытащил из-за голенища финку.

– Не стрелять! Понял, Сёма? По-тихому.

– Ясно.

Он первым подполз к замаскированной траншее. Заглянул в нее. Пусто... Вместе с Макаровым они бесшумно сползли в нее и двумя тенями, пригибаясь, бесшумно подошли к землянке. Сержант остался наверху. Вход закрывал кусок брезента. Макаров показал на него и прошептал:

– Подними. Я вламываюсь, потом ты.

Изнутри по-прежнему звучало два голоса. Один ругался, второй жалобно оправдывался.

Брезент взлетел вверх. Макаров исчез в темноте землянки и оттуда сразу раздался тихий, сдавленный крик. Ушаков влетел следом, в полутьме разглядел немца с ножом в гру-

ди, сползающего по бревенчатой стене, двух катающихся по земле людей, еще одного немца, лихорадочно передергивавшего затвор винтовки и изо всей силы, со всей накопленной за день злостью, он пнул этого третьего фрица между ног. Тот подскочил и рухнул, скорчившись. Свалка на полу тоже распалась. Макаров поднялся, встряхнул отбитый об фашиста кулак и, не оборачиваясь, сказал:

– Все-таки трое их было... Давай ремень и рукавицу. Быстро вяжем их и уходим.

Они связали двух оставшихся в живых немцев. Офицер, судя по погонам – капитан, первым пришел в себя и зло зыркал на них глазами. Рядовой, с которым столь жестоко обошелся Ушаков, тихо стонал сквозь засунутую в рот рукавицу.

– Ну что, падла? Сам пойдешь, или как обычно? – спросил у офицера ефрейтор. – Комм! Ферштейн?

Тот замотал головой.

– Понятненько...

Макаров без размаха вогнал немцу в солнечное сплетение кулак, скинул на плечо согнувшееся тело и пошел к выходу. Следом Ушаков за воротник шинели тащил солдата.

– Петрович, принимай. Двоих взяли.

* * *

– Мы потом до утра в подбитом танке сидели, а потом сно-

ва до ночи. Фрицы пропажу обнаружили и начали садить минами по нейтралке. Всю ночь наугад стреляли и ракеты пускали, только днем успокоились. На следующую ночь к своим выползли. Потом каждому отпуск дали от комдива, пять суток. Петровичу “Красную звезду” пообещали, но он так ее и не увидел. Наверное кто-то из штабных сейчас ту “звездочку” носит. А нам с Макарычем – медали.

– И на груди его могучей одна медаль висела кучей!

Солдаты рассмеялись. Разведчик обиделся.

– Ты ее заслужи сначала!

– У него две, – сказал молчавший до того лейтенант-танкист. – И “Слава” третьей степени.

– Да ты что!?! Давай, рассказывай, как оно было и за что дали.

Наводчик посмотрел в сторону склонявшегося к закату солнца, помешал палкой угли в костре и начал рассказывать...

Удачно попал

Чем хорошо в пехоте? Пехотинец все свое таскает на себе. Шинель, лопатка, винтовка, патроны – встал и пошел. Больше, чем ты унесешь, на тебя никто не навьючит. Конечно тридцать километров на своих ногах – не сахар, но такое все-же не так часто бывает. Как учит военная наука, пехота – единственный род войск, который может воевать без поддержки других родов. Даже кавалерия – и та требует подвоза корма для лошадей, а советский (если по-честному, то и немецкий) солдат и в этом не нуждается. В корме то есть. Ему можно выдать пять банок американской тушенки и этого хватит на неделю (опять же, если по-честному: пять банок на неделю – невиданная роскошь), но не вздумайте зажимать в наступлении водку!

И это второе, что хорошо: водку дают. Это еще с финской повелось и приказ этот издали по предложению наркома Ворошилова. В финскую к водке еще полсотни граммов сала давали. Нынче “наркомовские” наливают только тем, кто в наступление идет, но это уже положняк. Попробуй, не налей! Солдаты могут и вломить старшине, если зажмет. А поскольку без потерь в наступлении не обходится, то беленькой приходится гораздо больше, чем по сто граммов на душу окопного населения. После тяжелых боев даже солдатские вши – и те пьяные ходят.

Третье: окапываешь ты сам себя. Окопчик, потом траншея, если в обороне сидишь, но это все мелочь по сравнению с укрытием для дивизионной “ЗИС-3”, которое надо выкопать силами расчета. Выкопать, замаскировать и пушку притащить. Тащить ее придется на руках, потому что тягач к самой передовой не поедет. Не потому, что водила – трус, а потому, что мотором себя выдаст и немцы сразу подкинут “гостинчик”. Расчет же твоей пушки – шесть человек и полным он бывает редко. Пушка весит больше тонны. По 200 кило на рыло – какие мелочи, она же на колесиках! Надо учесть, что у ящиков со снарядами колес нету.

Теперь вы скажете, что окопчик три на четыре метра впяттером вырыть – ерунда, тем более, что он не очень глубокий? Но вам-то спешить никуда не надо! Вы сидите себе на попе ровно. Покопал, пострелял, покакать сходил, опять покопал... Ужин съели, день прошел. Артиллеристу же укрытие для орудия надо вырыть как можно быстрее, пока не прилетела “рама”. Мало что может быть хуже этого разведчика. Если он тебя засек, значит по тебе с минуты на минуту отрабывает немецкая артиллерия. Дивизионные пушки в чистом поле для нее – подарок судьбы и накормить их пряниками – святое дело, так что времени зарыться и замаскироваться у тебя хрен, да маленько.

Ну ладно! Выкопали. Утро настало. Можно спать? Хрен вам с луковицей! Ровики для боекомплекта сами себя не выроют, а они побольше будут, чем укрытие. Землянки для

личного состава – тоже вещь необходимая. Ходы сообщения нужны, щели, те же самые траншеи... А потом командир полка еще выберет место, где нужно будет обозначить ложную позицию, там тоже вырыть укрытия и в укрытиях смастерить из говна и палок макеты пушек, чтобы немцам было, чем заняться. Но это – потом. Сначала нужно спрятать оружие, поэтому копает весь расчет, без исключения, включая дрища-лейтенанта.

“Знал бы – просился бы в пехоту!” – зло думал Степан, выбрасывая на будущий бруствер очередную лопату суглинка. – “Нет! Ну вот нахрена я тогда в военкомате правильно ответил на вопрос капитана?”

– Какие виды снарядов знаешь?

– Осколочно-фугасные, бронебойные, шрапнель.

– Годишься. Будешь артиллеристом...

Поначалу оно даже хорошо показалось. Подносить снаряды – дело не сложное. Всегда далеко от передовой. Пушки на механической тяге, так что никаких хлопот с лошадьми. Там водителю тягача поможешь, тут еще чего-то сделаешь... Степан быстро схватывал все новое и через два месяца сидения в окопах под Сталинградом мог заменить любого в расчете, включая командира. Как раз к новому, тысяча девятьсот сорок третьему, году ему дали ефрейтора, а затем еще и наградили медалью “За боевые заслуги”. Оне тогда удивился

очень. За что? Вроде ничего особенного и не делал, подвигов не совершал. После контузии в строю остался – так ведь надо снаряды кому-то подтаскивать. Не слышал ничего, но и так ведь понятно, когда командир руками машет.

Немцев в котле наконец доби́ли и фронт пошел на запад. Снова была стрельба с закрытых позиций. Артиллерийский резерв берегли, как попало не подставляли. Начало июля 1943 года Степан встретил севернее Курска. Даже слепому ежу было понятно, что затевается что-то очень серьезное. Войска все прибывали, окапывались, толщина обороны росла и росла. Окопы им приказали рыть так, чтобы пушки можно было выкатывать на прямую наводку. Все были на нервах.

Пятого числа батарею подняли ночью по тревоге. В темноте целый час сидели у пушек и ждали чего-то, гадая: наступление, или нет? Потом дали команду открыть огонь. Так они до того еще не стреляли ни разу. Гимнастерка на спине промокла от пота, хоть выжимай. Немцы отвечали, но как-то вяло. То-ли их там накрыло первыми залпами, то-ли берегли снаряды. Когда канонада прекратилась, на западе и на севере стояло зарево в полнеба. Приказа продолжать огонь не последовало и стало ясно, что наступать собираются как раз немцы.

Следующие пять дней тянулись, как год. Ясно было, что немцы давят изо всех сил, но рядовым, понятное дело, никто не объяснял, что и как. На всякий случай они переоборудовали позиции для круговой обороны и их капитан потом

был награжден за то, что когда пришел из дивизии приказ об этом, сразу доложил, что все сделано еще два дня назад.

Утром одиннадцатого числа им приказали двигаться на юг. Солдаты шептались, что немцы прорвались и их полк кинут под гусеницы. Может, так оно и было бы, но они не успели к Прохоровке и немцев все-же сумели остановить без них. Степан видел потом горелые танки на поле. Вперемешку наших и немцев, разбитых, со спавшими гусеницами и пробитыми, свернутыми башнями. Облазил и со всех сторон осмотрел стоявший у обочины “тигр”. Немец был страшен, даже мертвый.

Потом им хватило работы в наступлении. Были и потери, в основном при налетах авиации. Там его ранило во второй раз. Рана загноилась и пришлось идти сдаваться в санбат. В госпитале его нашла вторая медаль, “За отвагу”. Тут уже у соседей по палате никаких вопросов не возникло. Раз был под Курском, значит должны были что-то дать. Он среди раненых уже считался бывалым. Как-никак второй год на фронте пошел, а с ним лежали в основном те, кто в первом бою не уберегся. На молодых он покрикивал, распоряжался ими, а те ефрейтора слушались. Хорошее было время, если конечно не вспоминать про качество тыловой кормежки! В свой полк Стёпа вернулся уже в конце лета 1944 года. Его часть к тому времени уже перебросили на север. Шли тяжелые бои в Прибалтике. Вот в эту самую Прибалтику они сейчас и закапывались изо всех сил.

* * *

Бой предстоял тяжёлый. Командир полка, получив приказ из штаба дивизии, собрал весь офицерский состав и сообщил, что приказано стоять насмерть. Плохо было то, что у полка после месяца боев оставалось всего пять исправных орудий и почти не было боеприпасов. Этим утром был смят стрелковый полк, вклинившийся в немецкую оборону. Завтра, судя по всему, наступит их черед.

К чему стремятся немцы – было понятно. За спиной артиллеристов был западный берег небольшой местной речушки, огибавшей высокий холм. Высокая, обрывистая круча, господствовавшая над местностью. Если немцы смогут занять здесь оборону, то сбросить их оттуда будет очень тяжело и обойдется дорого.

Приказ есть приказ. Отступать без него уже поотвыкли. Расположили пушки треугольником, чтобы взять танки в огневой мешок. Степану и его расчету досталась самая ближняя к фрицам вершина этого треугольника, даже не на высоте, а под нею, в кустах. Им было приказано не открывать огонь до самого последнего момента, пока танки не подставят борт. Впрочем на это особо не надеялись. Немцы обычно не перли напролом, а выпускали несколько машин для затравки, чтобы расшифровать систему огня. Остальные держались поодаль и, пользуясь хорошей оптикой, расстрелива-

ли оборону противника с безопасного расстояния.

В общем всё было за то, что они не продержатся и часа, потому что даже если каким-то чудом орудия уцелеют, боеприпасов все равно почти нет. Но штаб дивизии про них не забыл. После полудня к восточному берегу подошла штрафная рота. Штрафники где-то раздобыли две лодки и всю ночь возили через речку снаряды. Расчет Степана на руках приволок к себе на позицию пять ящиков. Более, чем достаточно для того, что им предстояло.

Под утро из-за леса послышался рев танковых моторов, а как только рассвело, оттуда начали бить минометы. Успевшие кое-как окопаться штрафники, рассыпались по своим окопам. Артиллеристы тоже попрятались. Степан залез в ответвление хода сообщения, в котором у него лежали три снаряда. Два бронебойных и фугасный. Он всегда делал такой небольшой запас, чтобы для первого выстрела не бегать к ровику. Сел на земляной приступок, прикинул, что минут пятнадцать времени еще есть до того, как немцы начнут атаку и услышал свист мины. Ухо у него за два года войны уже было привычным к таким вещам и куда она попадет, он понял сразу: совсем рядом. Успел за две секунды подумать: “К нам!..” Потом совсем рядом ударил взрыв, которого он даже не услышал и подносчика впечатало в земляную стенку окопчика.

* * *

– Браток! Живой? Очнись!

В ушах все еще звенело. Степан с трудом открыл глаза и отпихнул трясшего его человека. Голова болела так, будто мина попала прямо в нее.

– О! Ожил, пушкарь... Слышь, выручай, давай!

– Чего?

– Да приди ты в себя! Немцы давят, не удержимся. Пушки нужны, браток!

– Пушки?

Степан тупо посмотрел на лежавший у него на коленях 76-миллиметровый снаряд.

“Надо снаряды подтаскивать, а я тут сижу!”

Он поднялся, держа снаряд на весу. Ноги подломились, но как-то он сумел выпрямиться и побежал к огневой, на ходу стряхивая с него землю руками. Выскочил на позицию и остановился. Расчет был мертв. Все пятеро, вместе с командиром лежали вокруг орудия, которое смотрело стволом в небо. У пушки было свернуто на бок правое колесо.

Степан выглянул из окопа. Меткость немецких минометчиков была поразительной. Хотя какая там меткость? Положить две мины, без пристрелки, одну прямо на огневую, а вторую в ровик со снарядами с закрытой позиции – это уже никакая не меткость, а чистой воды удача. Видимо взрывной волной от сдетонировавших снарядов его и оглушило. На месте ровика была воронка.

Сзади грохнул пушечный выстрел. Подносчик обернулся. На поле, метрах в ста от него, горел немецкий танк. Еще три дымились чуть дальше, рядом друг с другом. А на пригорке в центре стоял “тигр”. Его пушка в очередной раз дернулась и справа, среди окопов, в небо взлетела земля.

– Слышь, пушкарь!

В ушах все еще звенело, но слова он различал.

– Ну чего?

– Нас послали проверить, как тут у вас. Что делать будем?

А что тут сделаешь? Все, амба! Полк сделал, что мог. Вон немцы горят на поле. Тех, что могли – подбили, а “тигр” им оказался не по зубам. Остальные пушки наверняка уничтожены, теперь немец методично расстреливает штрафников. Пулемет у него лупит, не переставая. Вдалеке перебегают немецкие пехотинцы. Сейчас развернутся цепью и под прикрытием танковой пушки добьют пехоту. А сам танк к окопам не пойдет. Зачем ему рисковать?

Посмотрев на пушку он увидел, что прицел уцелел. Навестись он сумел бы. Да хоть бы и через ствол навел, но колеса-то нету! Как стрелять?

– Ну тогда, пехота, поработать придется...

Ветер дул удачно. Дым, идущий от горящего танка, заслонял их от немцев. Двое штрафников налегали на толстенную жердь, подсунутую под орудие, а Степан пододвигал под искореженное колесо пустой снарядный ящик. Сначала один, потом второй. Пушка все равно стояла косо, но станины те-

перь были прочно уперты в землю. Встав на место наводчика, он покрутил ручки, опуская ствол, потом хлопнул себя по лбу грязной ладонью, сбегал в ход сообщения и откопал второй бронебойный снаряд. Протер его, вернулся.

– Смотри, как надо!

Он рванул ручку затвора вниз и толкнул ее от себя. Подхватил снаряд левой рукой, правой уперся в дно гильзы, загнал его в казенник. Затвор закрылся.

– Поняли, как? Учить вас некогда. Ты будешь затвор открывать, а ты зарядишь второй снаряд, как только выстрелю. Поняли? Затвор сам должен открыться после выстрела, но мало ли?.. Гильзы грязные, может заклинить. Да не стой ты так близко, откатом снесет...

“Немец далеко, метров восемьсот, в лоб не пробьешь. В борт тоже отрикошетит. Надо бить ниже, в корпус, там броня потоньше. Если не попаду... Если станины не удержат... Гос-с-поди, благослови!”

ЗИС рывкнул, дернулся. Отдача толкнула пушку назад и сбросила с ящиков. Гильза вылетела, штрафник проворно загнал новый снаряд. Втроем они навалились на бревнышко, ставя орудие на место.

– Попал ли? – тяжело дыша спросил его пехотинец.

– Попасть-то попал, только хрен его с такой дистанции прошибешь.

Над их головами фыркнул снаряд и следом долетел звук выстрела танка. Все пригнулись, потом Степан снова принял

к панораме. Видно было, что “тигр” развернулся в их сторону и водит стволом пушки вверх-вниз. Пока артиллерист крутил ручки наводки, он выстрелил еще раз. Снова промах! Просвистев справа, снаряд взорвался далеко сзади. По щиту звонко прошла пулеметная очередь.

“Да у него же башня не ворочается. Я ему башню заклинил! Ну тогда...”

Он уже не торопясь аккуратно навел орудие и выстрелил.

– Попал!!! – заорал штрафник.

– Ага... Только он, сука, живой, а стрелять больше нечем.

Гранаты хоть есть? Я ему башню заклинил, но если сейчас попрет на нас – раздавит гусеницами.

– Не попрет. Он отползает. Смотри!

“Тигр”, не пытаясь больше навести пушку корпусом, дал задний ход и теперь откатывался за холмик, на котором стоял. Видимо идти в лоб, не стреляя, на неподавленное русское орудие его командир счел слишком рискованным.

– Теперь валим! Сейчас минометчики снова накроют. Снарядов все равно больше нет, а там на огневых пошарим.

* * *

– Ночью пехота по полю ползала, фляги со шнапсом искали. Нашли, конечно. Две штуки к нам приволокли, в подарок. От полка в живых осталось двадцать пять человек, а от штрафников – полсотни, но все-же удержались. На следующую

ший день с утра подошли наши самоходки. Мы отправили в санбат раненых на их транспорте. К вечеру появился офицер связи из дивизии. Всех переписал, кто выжил, обещал наградить. Не соврал. Потом во фронтовой газете про меня написали. Мне дали “Славу”, за тот выстрел. Фронт утвердил.

– Речка, крутой западный берег, четыре танка на поле... – мехвод кивнул. – Помню это место. Мы там наступали. Это нашей бригады приданные самоходки были. Там же, неподалеку, меня подбили.

– О, как! Мир тесен. Ну что, можно вроде бы ужинать?

Куриц вытащили из кастрюль и на молодых зубах захрустели хрящи.

Эпилог

Танкисты разбудили пехоту еще до рассвета. Пришел вызов по рации. Десант забрался на броню, взревел танковый дизель и машина пошла по дороге в гору. Рядом с погасшим кострищем остался грязный, промасленный вещмешок, набитый куриными перьями, которые так и забыли сжечь за разговорами. Худая корейская собака, бежавшая мимо по своим делам, распотрошила его и перья растащило сильным южным ветром по берегу.